

Анна Калаур

Нарушитель

16+

Анна Калаур
Нарушитель

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Калаур А.

Нарушитель / А. Калаур — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Нарушитель. Жизнь студентов полна веселья и непростых жизненных ситуаций, которые они сами себе создают. Аня жила в общежитии, её недолюбливали однокурсники. Девушке неожиданно подворачивается Федя, обладающий сверхъестественной силой, вот только у него свои виды на неё и на этот мир. Художник. Московская проститутка Алиса Мидас, которая бежала на панель от жестокого обращения матери и отчима, подседа на наркотики. И когда она уже ничего от жизни не ждала, находится её настоящий отец. Что он скрывает в себе? Желание узнать его тайны заводит девушку в нравственный тупик, из которого нет выхода простым людям, только смерть.

Содержание

Нарушитель	5
Глава 1. Дождь	5
Глава 2. Мои университеты	7
Глава 3. Обитель зла	8
Глава 4. Первые проявления характера	10
Глава 5. Уроки истории	12
Глава 6. Первая кровь	13
Глава 7. Кухня	15
Глава 8. Дискотека	17
Глава 9. Семья	18
Глава 10. Пятнадцать суток	19
Глава 11. Ах модуля, модуля	21
Глава 12. Пропавший без вести	22
Глава 13. Шарик, фонарики, зелёные флажки	24
Глава 14. Конец свадьбе	25
Глава 15. Волшебная шкатулка	26
Глава 16. Родители	28
Глава 17. О разбитых аналитических весах	29
Глава 18. Детский сад	31
Глава 19. Международный день студента	32
Глава 20. Противоположные ценности на двух чашах весов	33
Глава 21. Ж/Д – беспредел	34
Глава 22. Презент от Лёлика	36
Глава 23. Новый Год и всё новое	37
Глава 24. Званный и желанный гость	39
Глава 25. Первое января – день рабочий	41
Глава 26. Сочельник и лысая гора	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нарушитель

Глава 1. Дождь

*Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.
И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
„Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживёт!”
С.А. Есенин*

Дождь. Весь день лил дождь, омывая серый от сажи город. Ненавистные капли оставались на одежде, и тем, кто забыл зонтик дома, от них было не спастись. Люди бежали, стремились укрыться где-то; мокли пакеты, портфели, рюкзаки. Разноликая и разноцветная толпа теперь соединилась в единую крысиную стаю, убегающую с тонущего корабля. Вот так встретил Донецк студентов первых курсов, которые приехали на обучение. Местные побаивались такого нового этапа в жизни, хотя большинству было как-то всё равно. Те же, кто будут жить в общежитии, в основном радовались, и их можно было понять. Этот этап называется взрослая жизнь. Теперь им не будут с утра говорить: „А ну вставай! В школу опоздаешь; вымой тарелку, почисть зубы и т.п.” Да здравствует, как говорится, свобода.

Этот институт — самый обычный и особо не отличается от других. Государство также, как и для всех других институтов, обеспечивало зарплаты, стипендии, 60% коммунальных услуг, всё остальное зарабатывайте сами! И знаете: зарабатывал же! И в студентах недостатка не было, как на младших курсах, так и на старших, поскольку они либо уходили сами, либо, чтобы их отчислить, нужны были, ну просто железобетонные основания. Контрактники же, как минимум на четыре года оказывались в плену у института. Освободиться от этого плена мог только сам студент: преподавательский состав, деканат и ректорат ему в этом помочь никак не могли. И если какой-то студент-чудак решался уйти, то скорбели о нём действительно все. С советских времён, студенты мало изменились: были среди них отъявленные весельчаки и пьяницы и ботаны, которым было очевидно, что учение свет, а всё остальное тьма. В каждой из групп, как и прежде, существует деление на городских и общажных студентов, последние, очень прочно связаны между собой. Единственное, что поменялось с тех времён, так это то, что из общаги исчез призрак исключённого студента. Чиновники очень постарались, чтобы изгнать его из родных стен.

В общежитии жили разные люди, разного достатка и с разными интересами: у кого-то был компьютер, у кого-то его не было. Там жили смиренные и тихие, а также склочные, которые привыкли всегда и везде показывать свой характер. Добродушные простачки, которые, выпив немножко алкоголя, готовы были возлюбить весь мир — явление нередкое. Короче говоря, в общежитии был представлен весь спектр студенческих возрастов, морали и нравственности. Психологи сидят за компом, пишут свои научные диссертации, берут материал из самых разных источников, но ведь они никогда не задумывались над тем, что если бы они хоть раз зашли в студенческое общежитие, то сделали бы кучу открытий, причём непременно во всех областях психологии. Вот так вот! Зашёл, и бац — всё понял.

1 сентября 1939 года началась Вторая Мировая война, и хоть с момента её окончания прошло достаточно времени; каждый год, 1 сентября становится началом войны для школьни-

ков и студентов со всеми и вся, и как бороться — никто не знал и до сих пор не знает. А 2 сентября — это, к сожалению, далеко не окончание этой самой трудной в жизни войны.

А ещё этот проклятый дождь, который мочил красивые и модные прикиды девушек, заливал грязью их модельные и яркие босоножки, разрушал причёски, создаваемые так долго. Поэтому, когда они вошли в институт, сразу же ринулись к зеркалам, чтобы на скорую руку, как-то исправить свой внешний вид, но природа сильнее, и пойти против неё нельзя. Лишь те немногие студентки, которые достали уголок зеркала и увидели в себе красоту, выглядели естественно и непринуждённо. Мальчиков свой собственный внешний вид мало волновал, и поэтому они без малейшего стеснения, мокрые и заляпанные грязью, вошли в эти не слишком большие и солидные двери.

Глава 2. Мои университеты

Во всех аудиториях творилось чёрти что. Туда, где должны были учиться старшие курсы, мало кто смог прийти (не получилось встать с кровати). Вторые и третьи курсы перецеловались и рассказывали, как жутко они соскучились друг за другом, а также о том, что так не хочется учиться. Первые курсы — это отдельный разговор, сравнить их можно лишь с разноцветной мозаикой. Все пришли красивыми и праздничными, несмотря на то, что дождь изрядно подпортил внешний вид. Студенты были разобщёнными и свои мысли держали при себе. Лишь некоторые обменивались, и довольно энергично, своими впечатлениями — это старые добрые друзья, пришедшие вместе штурмовать этот университет.

И вот, в аудиторию 400 заходит совершенно незнакомый дядька, в компании какого-то ещё дяденьки и тётеньки серьёзного вида:

– Ну здравствуйте, студенты группы ЭП-07 (экология прикладная-2007 год), я заведующий этой кафедры Петрыкин Иван Васильевич... (вырезано из-за чрезвычайной нудности) вас набралось в группе аж целых тридцать человек, хотя должно быть двадцать пять. Поэтому мы можем в любое удобное время, без зазрения совести, вышвырнуть вас отсюда. Ваша специальность нужная и престижная, так что учитесь и учитесь. У нас здесь весело и здорово, есть КВН, через профорганизации вы достанете путёвки, куда вам будет угодно.

– А в Турцию можно?! — раздался голос с задних парт.

– Шарм-аль-шейх, а лучше Бали, — раздался ещё один голос.

– Молодые люди, вы сильно много хотите от нашего государственного университета. Мы поддерживаем отечественного производителя: Карпаты, Крым, Приазовье, Святогорск, а о турбазах и прочих организационных моментах, вам расскажет ваш профорг, которого вы уже без меня изберёте... (ещё одна прощальная нудятина вырезана).

...Особо загруженным этот день у группы ЭП-07 не был — две лекции студенты успешно отсидели и записали. И по окончании этого ужаса, почти не прощаясь друг с другом, люди спешили разбрестись по своим тёмным углам. Кто-то испытывал давку в общественном транспорте, кто-то пешочком направился в общежитие.

Глава 3. Обитель зла

Общежитие — это монастырь для студентов, в который со своим уставом не суйся. Здесь всё поделено комнатками, общие только кухня, душ и санузел. Кстати, весело наблюдать, как эдак в семь утра скопится очередь в санузел, и звучат там ободряющие и поторапливающие слова, „пятилетка в четыре года”, так сказать. Несмотря на то, что здесь запрещалось пользоваться электроприборами, студенты всё равно ими пользовались. Лишь периодически, коменданту удавалось выловить несчастных за электрочайниками или фенами, которые успешно отнимались и отдавались только родителям. Кстати комендант, а вернее комендантша, была ещё та. Суровая бабушка, посмотрев на неё, тысячу и один раз подумаешь, а заходить ли сюда или лучше поехать домой, к маме. Баба была мощная, такая, что через неё не пройти, не проехать. Помогали ей в этом нелёгком ревизорском деле два охранника. Оба молодые и дурные, как бы это сказало поколение отцов, одеты в костюмы защитного цвета и для полного соответствия с омовцами на рынке, им не хватало берета и чёрных очков. Так что охрана у общаги на высшем уровне.

Здесь почти всегда была холодная вода, и лишь изредка пускали тёпленькую. Кухня, кухню не напоминала вовсе: бетонный стол; заляпанная по самое „не хочу” газовая плита, где из четырёх конфорок, работали две. Наверное, это единственный случай в мировой истории, когда ни Cilit, ни Comet, ни Мистер Мускул не помогут. Причём следует отметить, что конфорки были всегда включены. „Это коменда экономит газ, мы не экономим”, — выражались студенты. И как бы ни говорилось в этом институте об исчерпаемости ресурсов и устойчивом развитии человечества, как бы ни ставили пятёрки. Зайдя в общагу, преподы бы поняли, что далеко нам до устойчивого развития как до Москвы раком. Следуем дальше. Ржавая мойка, свободно разгуливающие тараканы и прусаки, которые чувствовали себя на кухне, как дома. По углам насыпаны всякие „Машеньки” и „Дашеньки”, как выяснилось, они не спасают от тараканов-мутантов. В этом мире страшнейшая диспропорция: в студенческом общежитии города Донецка тараканов очень много, а вот в канализациях славного города Воронежа их еле отыскали для какого-то опыта. Надо делиться, господа студенты! Надо делиться!

Как уже было сказано выше, разные люди населяли это общежитие. Теперь пройдемся по комнаткам и заглянем к нашим жильцам. В 108-ой комнате жили три мальчика, один из них, студент группы ЭП-07 — Саша, остальные — старшекурсники. Жили они довольно-таки обеспечено, даже с компьютером. Отчаянных боёв за этот крутой электроприбор не было, Саша играл на нём тогда, когда соседи по комнате его не занимали, и во всяком случае пока, все довольны. В 213-ой комнате жила староста ЭП-07 — Наташа, которая считалась самой красивой девушкой группы, и её зам Маша. Проживала с ними ещё и третьекурсница, которая для них ничего интересного не представляла. „Заучка”, вот как её называли везде, куда бы она ни пошла, хотя она вовсе не была бесполезной и никому ненужной. Когда необходимо что-то сделать по учёбе за бесценку, она была просто незаменимой и обойтись без неё не могли, тогда забывались все обиды. Но когда сессия далека, или студенты что-то сделали без её участия, то эти оскорбления, насмешки и поддёвки вновь возвращались, будто и не уходили никуда. В 220-ой комнате жили три мальчика, два второкурсника из ЭП-06 и один мальчик из ЭП-07. Из всей группы и даже из всего общежития, он был самым замкнутым человеком. На особо щекотливые темы ни с кем не говорил, да и вообще старался ни с кем особо не разговаривать. Здоровался он только со своими соседями по комнате, а в группе его постоянно упрекали явно и скрыто за то, что он не обладает приличиями и никого не замечает. К счастью, он являлся отъявленным пофигистом, и ему было как-то параллельно на все эти факторы. В 313-ой комнате жили две девчонки из одного города и, конечно же, из группы ЭП-07, звали их Таня и Яна. Сразу же после окончания школы, они твёрдо решили покорить Донецк и все

его ночные клубы с алкогольными напитками. Также в комнате с ними проживала старшекурсница с другого факультета, которая всё время отсутствует или пьёт, так что ей пофиг. По этой причине девчонки оказались одними из счастливиц, которые фактически живут вдвоём в одной комнате. Неподалёку, в 320-ой комнате, с девушкой из группы ЭП-06 — Юлей жил её любимый мальчик Антоша, которого часто называют гражданский муж, а старшее поколение назвало бы сожителем. Впрочем, как кому угодно: поколения отцов и детей всегда непримиримы. Такой необычный состав. Кто разрешил? Но как говорится, семья, любовь — дело святое, к тому же влюблённым опять-таки повезло, их соседка хоть и не старшекурсница, но тоже всё время отсутствует или пьёт, так что ей пофиг. В 414-ой комнате жили четыре девушки (бывает и такое): одна — Аня, довольно странновата, и было в ней что-то такое, что принуждало людей сторониться её, хотя ничего такого она не делала и не говорила. На студентов, как группы ЭП-07, так и на других, она производила впечатление отталкивающее. Соседствовала с ней однокурсница Ира — девушка самая обычная, из провинциального городка. С первого же учебного дня, она перезнакомилась со всеми однокурсницами. Со всеми, кроме Ани, по понятной причине. Две оставшиеся жительницы этой комнаты были старшекурсницами модельной внешности, которые каждый день ругались, и под раздачу попадало чуть ли не всё общежитие. Известен случай, когда пару лет назад, на общей кухне, их разнимала комендантша с охраной, а потом их направили на штрафные работы — драть всю общагу.

Такие вот весёлые жители населяют этот монастырь для студентов, и хорошо, что почти все правила в этом уставе можно нарушать. Иначе, это была бы студенческая тюрьма. Именно в общаге, у ребят успешно получалось учиться, жить и развлекаться, что не удавалось многим обычным людям.

Глава 4. Первые проявления характера

Общежитие можно считать главным плацдармом для того, чтобы все обитатели показали, чего они здесь стоят. Все они вырвались из-под родительской опеки, чтобы жить независимо и свободно. И какая-то учёба была для них всего лишь мухой, которая цеплялась и не давала поразвлекаться. Только во время сессии, когда эта муха начинала жалить, и студенты оказывались под угрозой мнимого отчисления, они брались за учёбу и бегали что-то сдавать. Были среди них конечно и добросовестные ученики (ботаны), которые нечасто могли позволить себе дискотеки и выпивки, от чего сильно страдали, покоя им не давали и все остальные, которые просили спасти, помочь. И эти дурачки, по доброте душевной, помогали; и ещё больше страдали. Поэтому студентов условно делили на вечных страдальцев от своей порядочности и на сессионных псевдострадальцев, которые своими мольбами стремились растрогать вечных страдальцев. И что самое плохое, так это то, что в моменты счастья, псевдострадальцы были дружны и едины. А во время сессии, ради того, чтобы сыскать себе в помощь ботана, они готовы были глотки друг другу перегрызть.

Среди такой чёткой двухпартийной системы были и те люди, которые ни в одну из категорий не попадали. Единственное, что объединяло всех общажных студентов, — это провинциальное происхождение, но и тут имел место парадокс. В 414-ой комнате, во время общего обеда, когда все присутствующие жевали, Ира принялась знакомиться со своими соседками, и когда поимённо все друг друга запомнили, девушка спросила:

– А из какого города вы сюда приехали? Я из Харьзска.

– Алчевск.

– Старобешево.

– Київ, — ответила Аня, после чего, подавились все.

– Киев?! Как?! — воскликнула модельная девушка.

– Ось так. Місто таке. Столиця.¹

– Да знаем мы, что столица! Что ты тогда делаешь в этом вонючем городке, если ты из Киева? — спросила Ира.

– Ира, скажу тобі правду, я не знаю, чому я опинилася в цьому місті, адже я могла б працювати в офісі у свого тата секретаркою. І взагалі Донецьк місто як місто, тому що ви його огидним не вважаєте. А мені найбільше подобається Київ. Шкода, що довелося виїхати.²

– Быть этого не может!!! — закричала вторая модельная девушка. — Ну причина же какая-то должна быть?

Аня только покачала головой.

– И вообще, почему ты разговариваешь на украинском? — спросила первая модельная девушка.

– Вдома так розмовляємо. Тому я вибачаюсь і переходжу на російську.³ Так почему это вы, девочки, украинцев не любите?

– Как же! Полюбишь вас, с вашим Бушенко, — со злобой сказала Ира.

– Ну Бушенко, во-первых, не мой, а, во-вторых, украинский язык — хороший язык, просто он переживает кризис, а политика никогда не изменит моего мнения.

– Хо-хо, ну а на выборах президента, ты за кого будешь голосовать, хотя бы намекни? — с поддёвкой поинтересовалась вторая модельная девушка.

¹ Вот так. Город такой. Столица.

² Ира, скажу тебе правду, я не знаю, почему я очутилась в этом городе, ведь я могла бы работать в офисе у своего папы секретаршей. И вообще Донецк город как город, потому что вы его отвратительным не считаете. А мне больше всего нравится Киев. Жаль, что пришлось выехать.

³ Дома так разговариваем. Поэтому я извиняюсь и перехожу на русский.

– За Кузьму, — совершенно спокойно ответила Анна.

– Помогите!!! Помогите!!!! Мама!!! Мамочка!!! — вдруг, совершенно неожиданно раздался крик снизу.

– Что там? — волнительно спросила Ира.

– Ха, — выглянув в окно, ответила вторая модельная девушка, — это Лёлик из 420-ой комнаты, опять повис на простынях.

И все девушки вмиг кинулись к окну — посмотреть.

– Девчонки, я упаду, я упаду и разобьюсь, вызовите пожарных, вызовите милицию!!! — орал во всю глотку Лёлик.

– Ты бы пил хоть чуточку поменьше, — крикнула Аня.

– А... ты та, которая здесь есть, но которой быть не должно, потому что где-то там ты уже есть, а отсюда тебя уже нет, — бредил мальчик.

– У тебя хорошая трава, — ответила Аня и начала тянуть простыню на себя; быстро это она сбегала, в 420-ую комнату.

– Спасибо, спасибо. Ты моя спасительница, — начал Лёлик рассеянным и пьяноватым голосом.

– Пожалуйста, — отрезала девушка и вернулась к себе в комнату.

– А зачем это ты его вытащила? — спросила Ира.

– А что ж, красивее, когда он висит? — с улыбкой ответила Аня и после этого, комната погрузилась в молчание. Каждый был занят своими мыслями и делами.

Глава 5. Уроки истории

В четверг у группы ЭП-07 намечался семинар по истории Украины. Лекция у них уже прошла, было много жалоб о том, что никто не успевает записывать и что никаких книжек не достать. Но тем не менее, учиться надо, и война продолжалась, сметая всё на своём пути. Преподавательница была женщиной средних лет, довольно-таки суровая и требовательная.

– Ну-с, начнём, — объявила она, — Азольский!

– Я не готов.

– Два.

– Агафьева!

– Я не готова.

– Ну, господа-студенты, кто подготовился к семинару? — поднятыми оказались только четыре ручонки.

– Лес рук! В чём причина? Почему вы не готовы?

– В библиотеке все книжки закончились; в научном отделе столпотворение, и вообще, мы экологи, а ни какие не историки! Зачем нам в работе будет нужен какой-то князь Владимир, который умер уже давным-давно?! — с негодованием доложила староста.

– Так значит вы утверждаете, что князь Владимир вам не нужен; а церковь нужна?

– Нужна.

– Зачем?

– Хм... Ну чтобы ходить было куда.

Громкий смех раздался с самой задней парты. Все студенты обернулись и увидели заливающуюся Аню. Когда она поняла, что все на неё смотрят, то прекратила смех, но в лице не изменилась и улыбалась.

– Так может именно вы сможете рассказать нам о князе Владимире, — обратилась к ней преподаша.

– Охотно, — студентка вышла к доске, — князь Владимир, в 988 году крестил Киевскую Русь, этот шаг означал прощание со славянским язычеством и знаменовал переход к вере в единого бога. Пантеон шести богов, который построил князь, был разрушен, а идол бога молнии — Перуна привязали к хвосту коня и поволочили по Великой Русской Земле. Русичи с тоской смотрели ему вслед, но всё же, по приказу князя, чтобы не стать врагами его, пришли к Днепру и крестились. Славянская церковь находилась в подчинении у Константинополя и епископом в Киевской митрополии был Михаил, по происхождению то ли из Болгарии, то ли из Сирии. Так началось строительство церквей и дальнейшее окультуривание Руси. У меня всё.

– Замечательно, — сказала преподаватель, — как ваша фамилия?

– Милькив.

– Как? Как? МЫлькыв?

– Анна Милькив. Через и.

– Вам я ставлю пять, остальным, кто не ответил, неуд.

Она спросила оставшихся человек и поставила им положительные оценки. Первый раз — всегда трудный, особенно для студентов-первокурсников. Ведь они попали в другой мир с неведомыми законами и правилами — это полная и безоговорочная школа жизни, полная школа выживания. Они ещё не знают, что веселья на самом деле будет только маленький кусочек, но зато борьба, преграды, негатив — заполняют всю их жизнь, пытаясь загородить свет солнца.

Глава 6. Первая кровь

Общежитие — это не только монастырь и дом родной, это ещё и поле для сражения различных интересов. В подтверждение этому, тринадцатого октября произошёл вопиющий случай. Когда Митя из ЭП-06 подошёл к дверям 220-ой комнаты, он неистово закричал:

– Б...ь!!! Какая с... загадила двери?! Да я вас, да вы, да вообще!!! С...!!!

Причиной такой реакции стала надпись такого содержания: „Она моя, и ни хрена у тебя не выйдет, паинька, сволочь ты безобразная”.

– Кто тут разорался? — спросила Наташа, спустившаяся с лестницы в халатике и домашних тапочках.

– Какая-то сволочь написала кровью такую х...ь, ну и не в падлу было? Наташ, хоть ты скажи.

– Ха! Да какая ж это кровь?! Краска, — сказала она и стёрла часть надписи, а затем протянула парню свою ладонку, — на кровь непохоже, палитра не та. А кстати, это тебе такое написали?

– Бред! Не могли мне такого написать. О!! Я знаю, я точно знаю кому. Это чувачок из твоей группы.

– Тимур!! Га-га-га!!! — и этот смех пронзил всё общежитие и даже был слышен за его пределами. — Та он придурок какой-то молчаливый, вечно горбатый ходит, та кому он надо?! — и тут раздался жуткий звон. — Слышал?

– Это из кухни, побегли!!

И они, а также множество зевак со всех этажей стекались на кухню, а происходили там действительно нешуточные баталии.

– Ты с..., я те серьёзно сказал не лезть к ней, не подходить и морду свою не совать, а то будет тебе.

– Та чё ты пристал? Может я жениться на ней хочу.

– Да ни х... ты не хочешь. Строишь из себя паиньку, а на самом деле, ты ужасный человек, не порть девочке жизнь. Ты меня ещё не знаешь! Я так вмазать могу, под капельницей будешь ремонтироваться и к ней не подойдёшь.

В общежитии ничего не бывает тайного, все самые неприятные вещи оказывались снаружи, вне зависимости от того, хочешь ты на это смотреть или нет.

– Вашу мать! Вы чё гончие?! Хотите нашу группу ославить?! — вмешалась Наташа.

– Наташ, не вмешивайся в нашу личную жизнь, мы сами во всём разберёмся, — спокойно сказал Саша из 108-ой комнаты, держа за рукав Тимура.

– Ага, мне не вмешивайся, а потом мне же и влетит от комендантши и от декана, нелегко быть старостой.

– Ну а мне не нравится, что ты староста и, что так нагло мешаешь нам выяснять отношения!!

– Значит так!!! Если не нравится!!! Переизберите!!! Я буду только рада!!! Оно мне надо — за вас дураков хвататься!!! — разозлилась девушка и тут же, молодые люди закончили препирательства и разошлись в свои комнаты.

„Что ж там за роман? И как же это я упустила? Нужно всё выяснить”, — совершенно точно для себя определила Наташа и вместе со всеми зевачками ушла из кухни.

А в этот момент, в поднебесной комнате № 414, назревал конфликт. Аня лежала на кровати и читала книжку Алексея Толстого „Пётр Первый”, а первая модельная девушка сидела за столом и старательно клеила разноцветные акриловые ногти.

– Надоел этот шум, неужели здесь действительно так ужасно? — поникшим голосом произнесла Анна.

– А тут всегда так будет, принцесса, тута вам не Кыйыв. Так что заткнись и читай своего, этого, Петра, и первого, и второго, и третьего, и четвёртого! — со злобой ответила девушка, сильно прижимая свой длинный-длинный искусственный ноготь.

„Як же мені набридло тут жити, я більше не можу. Чому люди такі злі та хамуваті? За що мені це покарання? Я хочу додому. До того ж ця дурепа вигадала Петра четвертого, у неї в ліжку він може і був, а в історії їх тільки три, але звідки ж їй знати. Такими нігтями книжку неможливо гортати. Ну от я себе і розвеселила. Та ні!!! Нічого в мене не виходить, тільки б вона не бачила моїх сліз, ніхто не повинен це бачити”,⁴ — говорила про себя Аня, но всё же, она не смогла удержать предательскую слезу, которая покатила по щеке. Уткнувшись в подушку, она ждала, что слёзы перестанут литься, но они не переставали, и от этого ей хотелось ненавидеть себя ещё больше.

⁴ Как же мне надоело здесь жить, я больше не могу. Почему люди такие злые и хамоватые? За что мне это наказание? Я хочу домой. К тому же эта дура выдумала Петра четвертого, у нее в постели он может и был, а в истории их только три, но откуда же ей знать. Такими ногтями книжку невозможно листать. Ну вот я себя и развеселила. Но нет!!! Ничего у меня не выходит, только бы она не видела моих слез, никто не должен это видеть

Глава 7. Кухня

С ещё, казалось бы, далёких советских времён известно, что кухня — это типичный расадник конфликтов. И это понятно, кухня имеет ограниченные размеры, в газовой плите работают только две конфорки. Поэтому человек, поставивший что-то готовить на двух конфорках или даже на одной, уже преступник. Мойка только одна, поэтому возле неё неимоверная толкотня. Самое ужасное, так это то, что кухонные перебранки, в 99% случаев вызывают не смех, а слёзы, разочарования, и выражение: „Мама роди меня обратно. Что делается”.

В обеденное время, Аня подогревала себе какой-то суп в миске, непонятно из чего приготовленный, и чтобы дело было быстрее, на другую конфорку она поставила чайник. На кухне не присутствовало больше никого, и можно было не стоять в очереди и не вести сражений за конфорки. Анна, как ни в чём не бывало, помешивала суп, вдруг, на кухню зашла высокая девушка, одетая по последней моде, с акриловыми ногтями. Отставила с конфорок всё, что грела Аня, выключила газ и стала перед ней, сложив руки.

– Ну и? — растерянно спросила Анна.

– Убирайся отсюда! — высокомерно ответило существо модельной наружности.

– Ты же не греешь ничего, и кухня эта общая. И никуда я не пойду, — спокойно, с достоинством ответила девушка.

– Ах это кухня у неё общая. А место под солнцем, общее?! Нет!! Оно одно. А то нарисовалась, красота, раскрасавица!!! Я самая лучшая, я самая красивая, я самая умная, а вся общага, универ, преподы — моя свита, и вы мне не должны мешать!!! Бог — он такой придурок, если он есть конечно; зачем было создавать столько много людей?! Народ — это пыль на моих сапожках, грязь на моих белых ручках!!! И вас приходится постоянно смахивать, — на её морде блестела злостная ухмылка, и резким движением руки, это недоразумение смахнуло тарелку прямо со столика. Суп оказался на полу, а жирные и горячие капли вмиг отпечатались на Анином халате, ударившись об стенку, зазвучало железо. Не помня себя, девушка толкнула соперницу и мигом направилась в свою комнату, надев что попало и схватив свой пропуск в общежитие, она выбежала из этой обители зла. Девушка не требовала от себя невозможного — она не могла сдерживать слёз. В голове её происходило, чёрт знает что: страх перемежён был с мыслями о самоубийстве, о том, что она нелюбима и никому не нужна. Она никого не видела и не слышала, она брела туда, не зная куда, и хотела найти то, не зная что. Анна шла вниз по проспекту Ватутина, абсолютно и безоговорочно подчиняясь закону всемирного тяготения. Слёзы заливали глаза в прямом смысле этого слова, ей было уже всё равно куда идти, зачем. И хорошо, что её не сбила машина.

– Дура, куда ты прёшь!!! — выразился водитель, но девушка не слышала уже и этого, голова была забита своим. И если обычно, она на красный свет не перейдёт дорогу никогда, даже когда никого нет, то тут девушка забыла эти правила. Было ей всё равно, что подумают люди, а важно одно — бежать, бежать куда ноги несут.

И ноги принесли её на берег реки пятой категории загрязнения (дуже брудна⁵) Кальмиус. И несмотря на то, что беспорядочно росли камыши и пахло болотным запахом, это место было самым спокойным и ласковым. Людей почти не было, и по реке плавали утки, здесь осталась хоть какая-то жизнь.

„Чому на мене звалюються невдачі? Чому немає ніякої справедливості? Я не хочу більше залишатися тут, хоча мені подобається вчитися, та і група не така вже і погана. А як же виглядає погана група? А як же виглядає дійсно погана людина? Треба подзвонити мамі, — и она уже кинулась доставать свой мобильник, — ні, не треба, а то будуть ще переживати, та й мені

⁵ очень грязная

соромно, буду перед ними слабкою та беззахисною. — спрятала мобильник. — А справді? Чому я все плачу та плачу. Розпустила ти, Аню, соплі, тільки-но побачила труднощі і злякалась! Як там говорилося: Нікого не бійся, ніколи не плач. Ну і все ”.⁶

— Да, здесь хорошо, — начала девушка вслух, — осколок природы в этом шахтёрском городке. серые шейки!!! Как же я вам завидую, то что свойственно людям, не свойственно вам. Вы всегда добрые, вы всегда умные. Из вашего клюва не услышишь ни одного плохого слова, вы не сделаете ни одного плохого дела. А человек на нашей Земле, пожалуй, единственное животное, обладающее глупостью.

С берега было видно два моста через реку, один по проспекту Мира, другой по Ильича. Уже начали загораться огни, неслись сотни-тысячи машин, слышался гул. Весь город погружался в мир неоновых огней — глубокий и бесконечный по своей природе. Темнело, пора возвращаться. Поднявшись, Анна дошла до проспекта Ильича, и пошла вверх к улице Артёма. Она никуда не спешила и рассматривала всё: город, прохожих. „Почему они серые? Почему такие неприветливые и чем-то озабоченные?“

Да, это так! Город побеждал их, убивал своей яркостью, они растворялись в нём, летающие машины терялись в дороге. „Ты не была ни ангелом ни сном, твоё дыхание — летняя прохлада”, — напевала Аня.

И уже прошла она казино, которое было лучше всех по яркости, и обрела девушка покой: огни, гул машин убаюкивали её. „Спать и только спать,— хотелось студентке. — Дойти до кровати и упасть”. Она успела к одиннадцати, пожелав комендантше спокойной ночи, отправилась наверх, даже не раздевшись, упала на кровать. „Я улечу! Я обязательно улечу. Далеко, далеко!”

⁶ „Почему на меня сваливаются неудачи? Почему нет никакой справедливости? Я не хочу больше оставаться здесь, хотя мне нравится учиться, да и группа не такая уже и плохая. А как же выглядит плохая группа? А как же выглядит действительно плохой человек? Нужно позвонить маме... нет, не нужно, а то будут еще переживать, да и мне стыдно, буду перед ними слабой и беззащитной. А действительно? Почему я всё плачу и плачу. Распустила ты, Аня, сопли, едва лишь увидела трудности и испугалась! Как там говорилося: Никого не бойся, никогда не плач. Ну и всё”.

Глава 8. Дискотека

Лазерный свет, мерцающий лучами разных цветов, заглянул в окно 414-ой комнаты. Звуки песни Дейва Гана „Kingdom” слышались совсем близко. „Кому это не спится в ночь глухую?” — девушка приподнялась, посмотрела в окно и увидела большую комнату с танцующими людьми — это был ночной клуб. Уже абсолютно ничего не понимая, на ватных ногах, Аня преодолевала усталость и шла навстречу манящему свету. Заведение оказалось просторным: внизу танцпол, на высоте около двух метров от него — бар, а на высоте четыре метра — большая сцена, где блестяще и неумолимо орудовал мастер вертушек. Танцовщицы, впитывая в себя ритмы и биты, делали всё, что им хотелось — пока рабочий день (а точнее ночь) не кончится.

Для зелёных первокурсников, которые впервые попали на дискотеку (настоящую дискотеку, а не колхозную), — это посещение было моментом искреннего восторга. Ане, до учёбы в институте, не посчастливилось побывать на дискотеке, как-то не хотелось. Поэтому сразу же, как только девушка попала в клуб, она растерялась: „Что идти? Куда идти?” Он был суетным и большим. Медленно расхаживая по танцполу, она смотрела на свою правую, ещё гладкую руку. Резко отвела её в сторону и никого не задела, хотя рядом танцевали девушка и молодой человек. Анна медленно обернулась назад и протянула руку в их сторону — опять ничего! Да что ж такое?! Обеими руками она вонзилась в них — и снова ничего. „Я невидима! Класс!” — воскликнула она и начала кружиться по всему танцполу, издавая радостные кличи, пронзая людей насквозь. Она не мешала им, они не мешали ей. Наверное, это лучшая дискотека в её жизни, хотя... Как знать.

– А сейчас! Вы должны взорваться аплодисментами! На сцене потрясающий! Ошеломительный гость из Киева!! Dj Lutique!!!

– А-а-а-а!!! — раздались крики со всех сторон, и на сцену вышел самый успешно гастролирующий ди-джей Украины, что является редкостью.

– So much more, — зазвучало из-под лёгких рук Влада (Dj Lutique, он приехал один без своего компаньона Kische), и все, кто сидел в баре и на диванчиках, ринулись на танцпол, к музыке, так что там было тесно. Всем, кроме Ани, которая на одну ночь стала обладать даром проникновения через живых людей. Она отрывалась по полной и радовалась, не столь даже музыке, а тому, что приехал её земляк, и что она не одна в этом полном загадок городе.

Что и говорить. Публика в Донецке — одна из самых благодарных, заезжих знаменитостей здесь чтят и жалуют, избалованностью тут и не пахнет. После часа непрерывных танцев, публика начала уставать и мелкими порциями рассеялась по бару и диванчикам. Устала и Аня, поднявшись по лестнице, она, не найдя ничего интересного в баре, пошла по коридору, уставленному диванчиками.

„Мда, тут сидят только сладкие парочки и никто больше, — размышляла девушка про себя. — О-па! Так это ж Юрка из нашей группы, а рядом с ним... Две чувихи. Он беззаботный и радостный, хотя у него девушка есть, и говорят, встречается с ней уже год. Вот эти мужики: злые, наглые; вот если бы его можно было проучить! Да проучить так, чтобы он никогда, никогда, больше этим не занимался...”

– Тебе стоит только приказать... — зазвенел чей-то голос.

– Фух! Я заснула, даже не раздевшись. Надо же! Приснится же такой бред!

Глава 9. Семья

„Что есть жена? Сеть прельщения человекам. Светла лицом, и высокими очами мигающа, ногами играюща, много тем уязвляюща; и огонь лютый в членах возгорающа... Что есть жена? Покоите змеиное, болезнь, бесовская сковорода, бесцельная злоба, соблазн адский, увет дьявола...” К чему это всё? Наверное, к народной мудрости. Комната № 320:

– Антоша, нам надо поговорить, — с укором, не вставая с кровати, начала Юля.

– Я на работу опаздываю, — угрюмо ответил тот.

– Мне не нравится, что ты не ночуешь дома, всё друзья да друзья, работа да работа. А я ночую всё время одна, или с тем чучелом, если оно заваливается, вдруг неожиданно. В институте одна, дома одна, как незамужняя.

– А ты и есть незамужняя.

– То есть как? Ты передумал? Да как ты? — Юля заплакала, Антон подошёл к ней и погладил по голове.

– Ну что за ерунду ты говоришь, зайчик? Ну как я могу от тебя отказаться? Я ж тебя люблю, очень сильно люблю, просто мы всё равно пока не расписаны, и это факт.

– Мы обязательно поженимся, снимем квартиру в Донецке, через год у нас будет маля, и будем мы самой счастливой семьёй, — она обняла парня и улыбнулась. У Антона же наоборот, улыбка спала — закон равновесия, без него не обходится ни одна счастливая семья.

– Ну всё. Всё, милая моя, я пойду, а то действительно опоздаю, нагоняя получу, — он поцеловал девушку в щёчку, как пионер пионерку на спор.

– Не задерживайся! — крикнула Юля вслед, но вряд ли он это услышал.

Глава 10. Пятнадцать суток

Юра Гладков возвращался домой после утомительной дискотеки, прихватив с собой в машину какую-то девушку.

– Юрка, а ты реально крутой чел? — спросила у него особа.

– Конечно, детка, вопросов нет. Это моя тачка, у меня своя фирма, в универе я самый умный чувак, — ответил Юра.

– Я знала, что этот вечер удастся, — мяукала девушка и стала поглаживать его грудь. Она спускалась всё ниже и ниже.

– О да! Давай, детка, ты знаешь, что я люблю, — постанывая, произносил парень, забыв обо всём на свете и руль управления в том числе. В результате чего, машина выехала на встречную полосу. Казалось бы, ничего страшного — в такое раннее время очень мало машин, но не тут-то было. Фары встречного Лексуса засветили прямо в рожу, резко крутанув руль, горемачо еле увернулся от приближающейся смерти.

– Фух! — только и мог сказать мальчик, но рано порадовался. ГАИшники уже следовали за ним. Пришлось съехать на обочину. Не в меру упитанный мужчина-инспектор, подошёл к машине нарушителя, Юра опустил стекло.

– Сержант Петренко, ваши документы.

– Да пожалуйста, — он подал какой-то кошелёчек.

– Ну-с, гражданин Гладков, вы попали, круто попали. Спешу сообщить, что этой ночью вступил в силу новый закон о нарушениях правил дорожного движения и согласно ему, за выезд на встречную полосу и за езду в нетрезвом виде, я вас должен заключить на пятнадцать суток, а также лишит прав на один год.

– Начальник, может договоримся? Мы с вечеринки едем, со мной девчонка (она его продолжала обнимать). Ты же видишь, шеф, она не может ждать, вот презент за беспокойство, — Юра протянул ему 100\$.

– Извините, но этого мало, — спокойно ответил инспектор.

– Но у меня нет больше, я позвоню...

– Нет. В участке позвоните, договоритесь обо всём с начальником отделения, выходите из машины.

– Да пошёл ты на х.., Юрец, ни секса, ни кайфа, одни проблемы! — недовольно вскрикнула девушка и вышла, хлопнув дверью.

– Ну и вали, с... , таких как ты, я найду вагон и маленькую тележку! — крикнул вслед Юра. — Видишь, шеф, у меня проблемы личного характера, может отпустишь? А?

– Нет, пройдётте. Закон жесток, ничего не поделаешь.

И парень поехал с ним в ближайшее отделение ГАИ. Сразу же они направились к начальнику отделения.

– Вот, Раиса Петровна, привёл, — сказал инспектор и удалился.

Начальником была тучная женщина лет сорока, с короткой стрижкой и огромными щеками.

– Так что же, гражданин, нарушаем? Да? — строго спросила она.

– Ну... Ну да я не нарочно, поймите же меня, — начал просить юноша, — а позвонить можно?

– Ну звоните, — спокойно согласилась женщина.

Юра достал свой мобильник и начал звонить отцу. Он уже приложил телефон к уху, но вместо нудных гудков услышал гнусавый голос: „Абонент недоступен и не может ответить на ваш звонок”.

– Блин! Можно с городского?

– Ну попробуй, — с удивлением сказала начальница.

Он начал набирать по старинке цифры и вдруг услышал в трубке: „Тебе же ясно было сказано, абонент недоступен!”

Юру перекосило в лице, глаза готовы были вылезти из орбит:

–О-о-о... — только он и смог сказать, обхватив голову руками.

– Ну что ж, гражданин Гладков, право на звонок близким вы исчерпали целиком и полностью. Сколько вам сидеть? Пятнадцать суток? О, это большой срок, за это время мы успеем сделать много интересного, — начала кокетничать женщина и водила пальцем по своим губам, а-ля Маша Распутина. — Иди ко мне, мой сладкий зайчик.

–А-а-а!!!

Глава 11. Ах модуля, модуля

Закончилась клубника со сливками, и в холодную осеннюю пору началась модульная неделя, для кого-то первая, для кого-то нет. Прежний институт, который был символом спокойствия и безмятежности, теперь взорвался от криков, бега и постоянной суеты. Всё теперь стало не так, как прежде, на кабинетах преподавателей висели какие-то бумажки. У дверей этих кабинетов стояли очереди студентов — такие, что нельзя было пройти по коридору, не плющась. Хотя, справедливости ради, можно сказать, что эти очереди в основном создавались „зелёными” (первым и вторым курсами) студентами. Старшие курсы просыпаются лишь зимой и летом, а то и вообще не просыпаются (это те, кому особенно лень), и сессия у них плавно смещается на весну и осень будущего семестра. А потом они опять уходят в небытие, и их невозможно застать в институте. Да — это был универ строгих нравов. Да — когда эти бедные, опухшие от горя студенты идут в деканат за кучей хвостовок, бедняжек там рвут, как тузик тряпку, но, убедившись, что курс воспитательных работ проведён, всё же выписывают эту кучу хвостовок, и молвят: „Иди же ты с богом, студент”. Сколько было волнений, слёз у первых курсов — это себе просто невозможно представить. Нерадивые преподаватели на консультациях отсылали „зелёных” студентов без всякой жалости, словно всё небо и земля сговорились против первых курсов. Отовсюду доносились жалобные всхлипы: „Да и пусть отчисляют”, „Придётся забирать документы”, „Да я сам(а) уйду по собственному желанию, мои нервы того не стоят. Гори этот универ синим пламенем” и т.п. О том же, как студенты писали модули, можно было бы вспомнить старый добрый анекдот: „Студент первого курса достаёт под столом бумажку, списывает и быстро прячет. Студент второго курса достаёт шпору из-под рукава и быстро прячет. Студент третьего курса положил на колени конспект и списывает. Студент четвёртого курса положил конспект на парту и списывает. Студент пятого курса положил книжку на стол и списывает. Студент шестого курса подходит к преподу с книжкой и говорит: „Задолбался я. На, сам ищи”. Хотя были и честные студенты (примерно половина). Вот они-то и переживали всерьёз за свои знания, что их не хватит. Другие были честными от того, что им не хотелось, чтобы их попалили, поэтому приходилось вгонять ненавистные знания в свою бедную-бедную голову. Для группы ЭП-07, две модульные недели стали первым боевым крещением, им было очень тяжело, как морально, так и физически; а преподаватели такие несправедливые — они ходили по рядам, запрещали любой шелест, любой звук, заглядывали они всюду и везде и, к сожалению, произносили: „Отдайте шпаргалки добровольно” или „Вам два, приходите ещё”. Эти речи пронзали студентов, как нож — сердце. Зависть к отличникам и хорошистам и глубокая обида от того, что кто-то списал, а ты не сумел списать.

Что ж, искусство списывания зародилось ещё в Древнем Риме.

На двух модульных неделях группа ЭП-07 присутствовала в полном составе, кроме трёх человек.

Глава 12. Пропавший без вести

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о вонючем туалете. И если театр начинается с вешалки, то институт начинается с туалета. Туалет был местом собраний, сплетен и отдыха, ещё курилкой, а туалетом — в самую последнюю очередь. Только в этом универе, надпись: „Не курить” может соседствовать с жестяной банкой, на этикетке которой аккуратно написано: „Для окурков”. Только здесь, поставлены шпингалеты без всякого штыря, но студенты уже приспособились придерживать дверь, изгибаясь и по-всякому выворачиваясь.

После первого в своей жизни модуля по истории Украины, неразлучные подружки из ЭП-07 Таня и Яна, курили Marlboro в кабинке. Авангардно пуская дым, спокойно, по-растамански, они никуда не спешили:

– Слышь, Танюха, странные вещи творятся в нашем родном институте: у нас всего в группе тридцать человек, а трёх из них на модуле не было.

– Не, ну насчёт того чувака потрёпанного и чувихи с пирсингом в пупке — ничего удивительного! Они-то хоть не ходили, но ведь Юрасик ходил. Даже чаще чем я, — воскликнула Таня.

– А чё мы паримся из-за него? С его-то связями, можно позволить себе не ходить на любой модуль, — ему и так всё поставят, наш универ лоховской. Кто со связями — все пролезут.

– Э не, Янка, вот тут-то ты и неправа, — подчеркнула Танька.

– Это ещё почему?

– Ну всё это лежит на поверхности: институт лоховской, связи, но тогда какого х... он пёрся на каждую пару, ведь они отнимают гораздо больше времени, чем какой-то там модуль: сдал пустой листочек, и тройку тебе и так поставят, если ты крутой. Тут дело почище будет, что-то тут не так.

Вдруг, дверь резко открывается, и застучали шпильки по плиточному полу — это была Наташа:

– Девахи! Дайте поссать! Несчастной, расстроенной и верной вашей старосте!

– Ну наглёж! Ну наглёж! — шутливо-возмущённо говорили девчонки, выходя из кабинки, Наташа влетела в неё.

– Девчонки, слушайте последний хит, горячая новость: Юрку нашего в милицию замели, — начала говорить староста из кабинки.

– Та ты шо?! — с удивлением вскрикнули девушки, — А за что? За что его?

– Девушки, я точно не знаю, по слухам говорят, что за нарушение правил дорожного движения, на пятнадцать суток посадили. Я же начала звонить его девушке, дозвонилась, а она сразу в слёзы и говорит: „Позор, позор, о горе мне, за что мне так не везёт в личной жизни”, ну и другой такой бред, и ничего полезного я от неё не услышала, и трубку повесила.

– В милицию? С его-то связями, Натаха, ну это бред, — непонимающе говорила Яна.

– Так здесь и начинается мистика, его родители обзвонили все участки, объездили всё и везде, но найти его не представляется возможным, в списках есть, а в камере-то его и нет, — Наташа вышла из кабинки и поставила руки по бокам.

– Ну и ну, ладно, Натаха, мы пошли, если ещё что-то станет известно, зайдёшь к нам в комнату.

– О'кей! — ответила Наталья, после чего достала сигарету с зажигалкой и закурила.

– Натаха, спаси, выручай, Натаха! — суетливо вбежал Сашка из её группы и закрылся в кабинке, девушка даже не успела спросить, что ему нужно, как тут из-за дверей показалась Птица Ирина Владимировна — доцент, преподаватель по урбоэкологии, блюститель всех

порядков, всех времён, ну и вообще общественный деятель. Она ворвалась в туалет и спросила, понюхивая воздух:

– Что-то мне чуется запах сигаретного дыма (до этого девушка успела бросить окурок в банку).

– Да, Ирина Владимировна, как и всем в этом клоповнике, — норовисто ответила Наташа.

Птица дёрнула дверь кабинки.

– Занято, — ответил девичьим писклявым голосом мальчик.

– Ну что ж, ладно, — не менее норовисто ответила женщина и ушла.

– Ну-с, Саня, и что же ты делаешь в женском туалете? — спросила староста.

– Я ж курил на лестничной клетке, а тут подымается эта дура, и давай меня ловить. Забежал сюда. Спасибо, Наташа, ты настоящий друг, — Саша крепко её обнял, поцеловал в щёчку и убежал.

Глава 13. Шарики, фонарики, зелёные флажки

Общежитие в модульную неделю тоже невольно преобразуется: количество бухлетов достигает своего минимума, а суета, брани, потерянные листики и тетрадки своего максимума. Хотя у самых стойких перцев, которые приходили в институт в последний момент, всё оставалось стабильно, и ничего не менялось.

Вечером, Аня с полотенцем и „ночнушкой” стояла возле душа, в надежде ещё успеть вымыться, пока не отключили холодную воду, так как другой быть в тот момент никак не могло. От скуки, она закатила глаза наверх и водила ногой в разные стороны.

– Ах, так значит ты опять здесь, дура! А я же тебя предупреждала! Тебя здесь не должно быть! — манерно сказала та самая девушка модельной наружности.

– Ага! Ещё запрети мне дышать, ходить в туалет. И ты отличаешься от других лишь своей бесконечной глупостью. В общежитии живёт очень много людей, и ты не одна; опомнись, пока не поздно, — совершенно безбоязненно ответила Аня.

– Так значит ты! Ты готова меня учить! С... такая! Да я тебя! — кипит от ярости, несостоявшаяся модель замахнулась на свою противницу, — Ай! Рука не... двигается, — она пыталась поднять ногу, но и тут её постигла неудача, — Ну двигайся же! — когда эта особа попробовала замахнуться второй рукой, она и этого не смогла сделать: её грудь начала резко надуваться, — О-о-о! — вместе с грудью начали надуваться руки, затем туловище, ноги и то, что в анатомии называют головой. Она уже не могла шевельнуться, не могла сказать ни слова. С лёгкостью, оно поднялось к самому потолку. Разноцветный и большой шарик с отростками в виде ручек, ножек и головы теперь украшал серый и потрескавшийся потолок общежития.

– Теперь люди никогда не оставят пыль на твоих туфельках, — разнеслось в коридоре.

Не помня себя, Аня бросилась бежать и наткнулась на комендантшу:

– А что это за шар?! — строго спросила тётя.

– А... — ничего не нашлась ответить Аня от страха.

– Маргарита Степановна, так это ж Хеллоуин, Анечка подготовилась на оценку пять, — сказал Лёлик, который неожиданно появился сзади.

– Ну я конечно не допускаю нарушения порядков в нашем общежитии и наказываю за это сильно, и бывает очень несладко, — начала строго читать нотации комендантша, — но, учитывая, что ремонт будет нескоро в нашем общежитии, а шарик очень хорошо отвлекает внимание от обшарпанного потолка, я тебя не трону. Иди с богом. Пока я добрая, — отпустила комендантшу, и после этого, Аня чуть ли не бежала в свою комнату.

– Аня, стой! — прокричал Лёлик, который был слегка на подпитии. — Милая, я ж тебе стишок ещё не прочитал: „Почему же ты погибаешь от морщин, Мэрилин, Мэрилин, Мэрилин”.

– Эх, Лёлик, ты бы трусы одел нормальные — модные, а не серые потёртые и с треугольничками. И я не Мэрилин! Да как же вы меня все достали! Ну никакого уединения! — кричала Аня, вознося руки вверх. Она резко стукнула дверью навязчивого ухажёра, после чего, закрыла комнату на замок.

– А я старался! И никто вообще не читает стихов своим девушкам, за что мне так не везёт? — грустно задал мальчик свой риторический вопрос и пошёл в свою комнату продолжать банкет. А что ему оставалось?

Глава 14. Конец свадьбы

Уже прошли две модульные недели, уже отмучились студенты, уже были выплаканы все слёзы по поводу: „Как же три?“, „А почему два?“, „А я дура(к), мне здесь не место“, „А что эти препода злые, как собаки?“ и т.д. Но студенты — это самые весёлые и самые неунывающие люди на свете. Поэтому все понадеялись на второй модуль, и у них снова начались лекции, лабы, семинары, курсачи, бухлеты и дискотеки. Во вторник, группа ЭП-07 благополучно заняла аудиторию 401, в которой намечалась лекция по химии. Как и водится, студенты на переменных вели себя по-разному: одни лежали на партах; другие оживлённо общались о чём-то; третьи бродили по аудитории и не могли найти себе пристанища; а четвёртых — вообще не было. На перемене каждый решал свои проблемы. Всё было как обычно — ничто не предвещало появления этого человека. Лохматый горбатый и хромым ввалился Юрий, он еле стоял на ногах. Сначала воцарилось молчание, но затем посыпалась волна вопросов, на которые, если захочешь, не будешь успевать отвечать: „Юрец, как ты?“, „Ты был в тюрьме?“, „Что с тобой сделали?“, „Где тебя прятали, что тебя никто не мог найти?“ и т.д.

– Меня эти бабы достали, я их больше никогда трахать не буду, — с натугой проговорил Юрец.

Не успели однокурсники подготовить новые, уже более пикантные вопросы, как в аудиторию ворвалась худенькая девушка в джинсиках, из-под которых выглядывали жёлтые кружевные трусики, и в джинсовке, надетой на тонкую белую футболку, не особо прикрывающую интимные детали — это девушка Юры. На её лице были слёзы, раздражение, озлобленность, и даже какая-то безнадежность и отстранённость от действительности:

– Ну как ты мог?! Как ты мог?! Сволочь!!! Я верила тебе! В тот вечер, я действительно думала. Какая же я была дура. Что ты действительно болеешь. А ты был в клубе!!! Ты собирался трахнуть какую-то подстилку!!! Ты ничтожный человек. Как ты мог?! Ты же говорил, что мы поженимся?! Мы ведь уже купили свадебное платье?! Ты так меня опозорил! Ты так меня подставил! — не выдержав, она облокотилась на преподавательскую парту и начала плакать долгими и раздирающими душу слезами.

– Нина, — тихо начал Юра, — я в печали, мне х...о, свадьбы не будет, я вас женщин ненавижу.

– Что?! Ты целый год мне морочил голову, а теперь говоришь нет?! Всё отменяется?!

– Блин, ты мне вычитала нотации о том, какой я плохой. Ну так и канай отсюда!!! — последние два слова он произнёс экспрессивно, как только мог.

– Ах так? Хорошо. Я верну тебе свадебное платье! Только пришли полиэтилен, мне его нужно во что-нибудь завернуть, — жалобно и тихо сказала Нина, развернулась и ушла.

– Оставь себе! Можно подумать без полиэтилена, свадьба не отменится! — злобно, с усталостью прокричал Юра.

У преподаши, которая была всё это время на лестничной клетке, окончательно завяли уши, и она вошла в аудиторию в лёгком ступоре. В то время, Юра уже плюхнулся на заднюю парту так, чтобы его не было видно. Однокурсники не смогли сказать ни слова. Аня, сидевшая на третьей парте, крутила возле виска ручку и тихо сказала:

– Значит не сон был.

Глава 15. Волшебная шкатулка

Всё это время, Аня была на нервах: мало того, что сон оказался правдой, так ещё и шарик из её ярой противницы куда-то исчез. Напрягал тот факт, что этих мистических подробностей никто кроме неё и не знал. И теперь всё её внимание было направлено на то, чтобы вспомнить все свои грехи и проанализировать, в чём же она может быть виноватой в этой жизни. Этим вечером, девушка сидела в своей комнате, в полном одиночестве, она уже думала, что никто не придёт из её соседок, и принялась размышлять о своём горе. Зазвенели ключи — это Ира вошла в комнату после утомительной работы:

– Привет, Ань, — весело и без единой усталости сказала девушка.

– Привет, — чуть дыша, поздоровалась Аня.

– Что с тобой? Да на тебе лица нет! Соседки достали? Ну ничё, сегодня мы хоть можем как следует отдохнуть: этих дур нет, — весело закончила Ира.

– Дело не в этом! — с надрывом подчеркнула Аня.

– Ты из-за двойки по вышке расстраиваешься? Да не бойсь, сдадим! — девушка принялась подбадривать свою соседку.

– И не в двойке дело! — раздражённо перебила Аня. — Меня волнует Юра.

– Блин! Мы живём в общежитии! В среде дураков! У неё по вышке пара, а её волнует Юра! Ну на х... он тебе нужен? Посидел в тюрьме, и поделом ему, этому мажору. Я всего добивалась в этой жизни сама, за меня не просили ни мамы, ни папы, и никого моя скромная особа не волновала, а Юру жалко! Не влюбилась ли ты в него часом? — любопытствовала Ирина.

– Да не влюбилась я! — нервно кричала девушка. — Тебе не кажется: что-то в этой ситуации не так? Просто так его не могли арестовать и куда-то спрятать на пятнадцать суток? Здесь что-то почище будет, если даже отец со связями не смог его вытащить!

– Чё ты так кричишь?! Зачем так переживать? Нервы тратить. Ну арестовали, ну потрепали. Наоборот, нужно радоваться, что хоть кто-то, когда-то его прочул.

– Да, наверное, ты права, голова болит, аж не могу.

– Ложись тогда, ложись спать. Вместе ляжем, я тоже устала, не буду тебе мешать. Поспишь, голова пройдёт, и всё забудется.

Аня легла в свою кровать. Ира тоже, особо не мешкая, переоделась, выключила свет и довольно быстро заснула.

Приятное тепло начало согревать Анну, ласковый шум воды напевал свои мелодии на непереведённом никем языке. Она приоткрыла глаза: лазурный свет растекался в водной глади, колыхались зелёные и красные водоросли в, казалось бы, бездонном море. Косяки рыб закрывали солнечный свет, на камешках были морские звёзды и актинии, которые неразлучны с камнем и уже не могли жить без него, и камень видимо тоже не мог жить без них. Дальше по курсу, стоял длинный стол, конца которому не было видно. Анна подошла к нему, стол напоминал детскую сказку про скатерть самобранку, там было много чего разноцветного, но чего, девушка понять так и не смогла. И сколько она ни ходила, не могла найти ни супа, ни мяса, ни шампанского, ни конца этому столу. Звонкий смех раздался сзади, Аня обернулась и увидела... русалок, которые, как ни в чём не бывало, плавали, швыряли друг другу какую-то сморщенную рыбу, служившую им мячом, они играли не на очки, а просто так. Течение трепало их волосы, все они смеялись... по-доброму, как будто и не было никаких проблем и катастроф, а для них их действительно нет, они далеко и глубоко от этого. Девушка боялась им что-то говорить, поэтому стремилась остаться в тени незамеченной. И ещё ей жутко было интересно: что же стояло на столе. Она уже протянула руку, но тут же отдернула: вдруг опять проклятие. Внезапно стол подъехал, и Анна увидела его край. В этот же миг, за столом появился мужи-

чок: полуголый, с татуировками на руках и груди, на лице красовались бритая бородка, усы и бакенбарды, а на макушке — платиновая корона:

– Если мой гость ничего со стола не взял, — начал незнакомец, — то и конец стола он увидит, и никакое проклятие его не коснётся. Ты — Анна выдержала столь суровое испытание, садись за стол и веселись на этом балу, на этом празднике жизни, — он щёлкнул пальцами и вмиг появилось множество различных существ. Среди них были и те самые русалки, но, что самое удивительное: неподалёку от того места, куда девушка сама присела, присутствовала и Ира, которая смотрела только на татуированного мужчину и ни на кого больше, — кстати, меня зовут Платинид. Король Платинид, для тех, кто ещё не знает.

Зазвучала музыка, причём не классическая, не эстрадная и не альтернативная, а шум ветра, степей, зверей и моря. У этого короля была хорошая подборка таких вещей. Аня взяла со стола фиолетовый шар, который преобразился в кабанчика. Он был точь-в-точь таким, каким готовила его мама, пока девушка ещё не переехала в Донецк. Но вкусная пища её не волновала: „Ира, Ира”, — звала девушка свою соседку по комнате. Так и не дозвалась. Как завороченная, Ирина смотрела на короля, и никакие призывы не помогли.

– Гости дорогие, — король поднялся, — поскольку вы все собрались на этот скромный ужин, и поскольку я вас всех очень люблю и уважаю, то хочу вам показать то, что увидите только вы, и никто другой ни сверху, ни снизу не доберётся до этого чуда. Раз, два, три.

И мгновенно перед тысячами гостей появился водопад. Как водопад может быть под водой? А вот и может. С искусно сделанных и украшенных морскими звёздами и тропическими лианами камней, стекала изумрудная вода, в которой блестели разноцветные крапинки — это были звёзды. От земных водопадов обычно поднимались клубы воды, напоминающие пар. Здесь же, вместо него была фиолетовая дымка, чем-то надушенная. Стали гости дивиться этому владению короля, да так, что вмиг покинули свои тарелки и побежали туда, пробовали: а настоящая ли это вода, а настоящие ли это камни — всё было настоящим, сложно было в это поверить, но это факт, а факт — самая упрямая в мире вещь.

Не могла насладиться и Анна этим явлением, обернулась назад и увидела, как открылась шкатулка. Звёзды сияли в ларце, и этот свет освящал всё пространство. Эти звёзды сменились водопадом, таким же, только в миниатюре, огнями Москвы и неприступными Гималаями, глубинами океана и цветами в заповеднике „Хомутовская степь”.

– Вау! — поразились Аня.

– Нравится? — спросил Платинид.

– Вне всякого сомнения, — ответила девушка и даже не глянула на него.

– Ну что ж, Анечка, дарю. Эта волшебная шкатулка теперь будет стоять у тебя дома.

Глава 16. Родители

...І добрее наам, і всі ми, як хробаак...

– Боже, кто это звонит? Убью, — сонным голосом гундосила Аня и левой рукой искала свой мобильник на столе, наконец, её попытки увенчались успехом, — ало-о-о... — ещё более безжизненно сказала она.

– Доню, любя! Ми с татком отримали твій подарунок! Ця скриня просто чарівна, це такий подарунок долі, я не пішла на роботу, щоб її роздивитися, це така...

– Мамо, — всё ещё сонно мямлила Аня, — яка скриня? Я нічого не надсилала, ви мене вирішили розіграти?

– Доню, ця скриня стоїть у нашій вітальні, може ти забула про неї?

– А як вона виглядає?

– Ну як же? Доню! Вона ж сяє, тут минають такі картини! А небо, а океани!....

– А... Звичайно ж, згадала, я її купила в одній крамниці, щоб вам подарувати, — пришлося притвориться Ане, — якби ви знали, чого це мені було варто.

– Ой, доню, ну навіщо було витратити такі шалені гроші? Ти мабуть там голодуєш?

– Ні, мамо, не хвилюйтеся. Гроші ще є, що їсти є. Все добре. Ви там як?

– Ми скучили за тобою, ми з татком звикли, що ти завжди була вдома, і так було добре, а тепер так рідко будемо тебе бачити.

– Мамо, ну треба ж мені навчатися, і нічого з цим не зробиш, татко сам говорив, що освіта мені необхідна, ну от я і вчуся.

– Ну звичайно, вчись, ти все позадавала? А то ти нам нічого не говориш. Слова з тебе не витягнеш.

– Поздавала, все добре, все дуже, дуже добре. Вибач, не можу з тобою більше розмовляти, а то я на пари спізнюсь.

– Ну добре, іди. І дзвони нам частіше, не забувай. Все, бувай.⁷

– Пока, — Аня положила трубку.

– Я с ума сойду, это просто невероятно. Ну как такое возможно? — устало и взволнованно говорила девушка. — Сколько там времени? — она глянула на часы. — Блин! Полдесятого, щас же вышка, блин, на него нельзя опаздывать! Ирка, вставай быстро! Мы опоздаем на этого лоха! — Аня начала расталкивать спящую Иру.

– Ммм... Ну зачем ты меня разбудила? Кто тебя просил? Мне снился такой крутой сон, и вот опять я вижу эту обшагу. Блин, — сонно говорила Ира.

– Я знаю, что это за сон, мне он тоже снился, — начала тараторить Аня.

– Правда? И Платинид? — открыв глаза, но также сонно спросила Ирина.

– Да, да, и Платинид, — всё так же продолжила тараторить девушка, — собирайся, ты ж не хочешь проблем с этим козлом, быстро-быстро.

Кое-как поднявшись, девушки одели, что попало, и ненакрашенные побежали в корпус.

⁷ — Доченька, дорогая! Мы с папой получили твой подарок! Этот ларец просто волшебный, это такой подарок судьбы, я не пошла на работу, чтобы его разглядеть, это такой... — Мама, ...какой ларец? Я ничего не посылала, вы меня решили разыграть? — Доченька, этот ларец стоит в нашей гостиной, может ты забыла о нём? — А как он выглядит? — Ну как же? Доченька! Он же сияет, здесь проходят такие картины! А небо, а океаны!... — А... Конечно же, вспомнила, я его купила в одном магазине, чтоб вам подарить... если бы вы знали, чего это мне стоило. — Ой, доченька, ну зачем было тратить такие большие деньги? Ты, наверное там голодаешь? — Нет, мам, не волнуйтесь. Деньги еще есть, что кушать — есть. Всё хорошо. Вы там как? — Мы соскучились без тебя, мы с папой привыкли, что ты всегда была дома, и так было хорошо, а теперь так редко будем тебя видеть. — Мама, ну нужно же мне учиться, и ничего с этим не сделаешь, папа сам говорил, что образование мне необходимо, ну вот я и учусь. — Ну конечно, учись, ты все позадавала? А то ты нам ничего не говоришь. Слова из тебя не вытянешь. — Поздавала, всё хорошо, всё очень, очень хорошо. Прости, не могу с тобой больше разговаривать, а то я на пары опоздаю. — Ну хорошо, иди. И звони нам чаще, не забывай. Всё, пока.

Глава 17. О разбитых аналитических весах

— Здравствуйте, извините за опоздание. Можно? — тихо спросила Ира.

Дружный хохот раздался в аудитории. Когда перестали смеяться, доцент Кучук Алексей Михайлович — преподаватель по высшей математике, игриво заметил.

— О! Появились, красавицы. А почему так опаздываем? А? Понял, из общежития автобус опоздал.

— Извините нас, пожалуйста. Аудиторию же поменяли, мы долго найти не могли, мы не знали, что в лаборантской. Ну, пожалуйста, пустите нас, Алексей Михайлович, — жалобно стала просить Аня.

— Садитесь, я девушек люблю. Ну. Теперь, когда наша подгруппа в сборе, начнём решать примеры, — он потёр руки, открыл свой учебник для ВУЗов, найдя самые сложные примеры, доцент выписал их на доске. — Решайте, приду, вызову по собственному усмотрению. Ох двоек понаставлю, — мечтательно добавил Алексей Михайлович и вышел. Куда — никто не знал.

И группа засуетилась: лентяи начали выстраиваться в очередь к очень хорошо соображающей по этим вопросам однокурснице Александре: „Сашенька, ну помоги. Ну как это решить? Я совсем ничего не знаю” и т.п.; середнячки пытались справиться своими силами, усиленно листая конспект и напрягая все свои извилины. А безразличные вставили наушники в мобилку и слушали mp3-player. Это нормальное состояние группы, она жила так каждый день, и ничто не предвещало беды.

Из второй подгруппы с худеньким листочком и ручкой зашёл Тимур, плавно и бесшумно пройдя через плотный коридор людей, сел рядом с Александрой:

— Сашенька, реши пример. Ты такая клёвая, — подлизываясь, говорил парень.

— Сашенька, и нам, и нам реши, — труся листочками, умоляли Таня и Яна.

— Вы видите, я занята! — довольно-таки резко ответила Саша и продолжила решать пример Тимура.

Дверь открылась и захлопнулась, Саша из другой подгруппы стремительно быстро вошёл в аудиторию, грубо растолкал очередь, и взяв за шиворот Тимура, приставил его к стенке:

— Я ж тебе говорил, урод, даже не подходи к ней. Ты её своими примерчиками зае...ь, с...! Она ночей не досыпает, решая тебе индивидуалки и чертя эту грёбанную инженерку, а у тебя же совести нет. Ты ей и шоколадки не подаришь, и любви не дашь! Да ты же сволочь!

— А чему ты завидуешь? Тому, что меня она любит, а тебя нет? Бесишься? — шептал Тимур.

— Ах так! Да тебе её любовь нафиг не нужна, ты просто используешь бедняжку для своих меркантильных целей! Ну ничего, я тебя научу! — злобно крикнул Саша и отбросил противника на парту так, что чуть было не подавил сидящих за ней девчонок. Крики раздалась по аудитории.

— Саша, ну успокой же их! — истерично обращались девушки к однокурснице, но та сидела и молчала, опустив взгляд и схватившись за голову руками.

— Саша не будет ничего делать, я этого гада по стенке размажу, вот так! — всё также злобно продолжал Саша, и сам того не заметил, как отбросил Тимура на аналитические веса. Хрупкая, капризная и точная конструкция свалилась на пол, стёкла треснули, а чаши этих весов выпрыгнули. Железный штырь, на который они были подвешены, искривился и восстановлению не подлежал.

Перепуганная лаборантша вбежала в аудиторию, и увидев сие явление, она могла только схватиться за голову руками:

– Что вы наделали? Что вы наделали? Вы разбили единственные аналитические весы на кафедре. Да вы... — она даже не могла закричать, так как была в состоянии шока. — Кто? Кто? Кто это сделал? Признавайтесь!

Все знали о том, кто разбил эти весы, но все молчали, как партизаны на допросе и не могли сказать ни слова. Затем вошёл Кучук:

– О-о-о! Да тут я вижу, были разборки. Как дети. А я им, Елизавета Ивановна, о какой-то высшей математике говорю, когда они дефицитные весы разбивают, — спокойно и возмущённо сказал доцент лаборантше.

– Придётся вам пару пораньше закончить, Алексей Михайлович, будут убирать. А я пока заявление в деканат напишу, пускай они и разберутся. Где староста?

– В той подгруппе, — ответили ей.

– Вы — оба! Возьмите веник и савок в углу, убирайте! — приказала лаборантша.

– А чё мы? — завопили мальчики.

– Потому что вы мальчики, — сказал препод, и им ничего не оставалось, как всё это убрать. Они не убили друг друга, а это уже хорошо.

Девчонки же, были ужасно рады тому, что пара закончилась раньше времени, и двоек никому не поставили. Они вышли в холл и тут же окружили Александру, и стали задавать ей вопросы:

– Саш, объясни нам... А что ты Тимуру индивидуалки делаешь?... А что Сашка в тебя втюрился?... С кем ты?... Где ты?... Рассказывай давай. Давай мы ждём...

– Никому я ничего не решала! Если Сашка втюрился — это его проблемы! Мне вам, девчонки, нечего рассказывать! — резко и грубо ответила Саша и побежала вниз по лестнице, чтобы поскорее уйти домой. Никто не увидел её слёз, даже её кот.

Глава 18. Детский сад

В одном детском садике Ворошиловского района города Донецка, дети играли внутри помещения — шёл дождь, и малыши были вынуждены довольствоваться раскрасками, мишками и машинками.

– А мне папа купил шалик, большой-большой, с гелем, цветной, клясивый. У тебя такого нету, нету. Смотли, — сказал упитанный мальчик другому, не менее упитанному, и продемонстрировал ему свой шарик.

– О-о-о-о! — глаза мальчика округлились. — А чо он кливой такой и с волосами?

– Это особый шалик, таких не так и многа в Донецке, а у меня он есть, тавай в футбол поиграем?

– Тавай.

И мальчики начали кидать шарик руками, бить ногами. Шарик попадал на колючие необструганные кровати, но тем не менее, не лопался. Эту идиллию прервал крик воспитателя:

– В такие подвижные игры не играют в помещении! На улицу идите играть! — сказав это, она совершенно забыла, что идёт дождь. И дети, как только вышли на улицу, стали пинать шарик, катать его в грязевых болотах. Он намокал, терял свою яркость и упругость, волосы превращались в паклю. Как вдруг, совершенно внезапно, этот шарик поднялся и улетел.

– Стой! Стой! Лови его! — кричали мальчики, взбираясь на самую высокую Иву, но догнать свою игрушку уже не смогли. Долго плакали мальчики о потере такой уникальной вещи.

В холле общаги, за столом сидела комендантша и читала женский журнал „Истории из жизни“. Как тут, кубарем вкатилась несостоявшаяся модель и властительница общежития. Каблуков на туфлях не было, чулки похожи на нити, вся одежда обляпана в грязи и на ней виднелись следы от детских ботинок, волосы были похожи на непонятно что, а лицо исцарапано — от былой красоты не осталось и следа.

– Ах. Это ты? — недовольным басом спросила коменда.

– Да. Простите меня, — быстро сказала она и побежала на этажи, заглядывая буквально в каждую комнату, она кричала, — Простите меня. Я была неправа, — затем она забежала в душ и смыла с себя всю грязь.

Простить её конечно не смогли, поэтому она переселилась в другую отдалённую общагу, где всё начала с чистого листа.

Глава 19. Международный день студента

Студенты — самый неунывающий в мире народ. И несмотря на то, что у бедолаг куча проблем и долгов по учёбе, а у группы ЭП-07 ещё и финансовые проблемы, так как деканат обязал их возместить стоимость аналитических весов, поскольку виновников не нашли; всё равно, на Международный день студента, отменив тусню в клубе „Гараж”, студенты решили широко гульнуть в общаге, в комнате у старосты Наташи. Сначала, Наталья и её подруга Маша не понимали, а что же сделать с соседкой. Потом они предупредили её о предстоящем мероприятии, Аля отказалась не занимать комнату, но когда она вернулась с учёбы и увидела бедлам, то вполне разумно предпочла пойти в кино, чем париться здесь. Даже не смог помешать строгий указ: „Не впускать никого постороннего в общежитие, ни с какими документами, ни под каким предлогом”. Ведь студенты — это ещё и самый находчивый народ, и ничто не смогло испортить по-настоящему весёлый праздник. В 213-ой комнате было тесно, но не обидно; пришло около половины группы, не явилась только довольно-таки многочисленная тусовка мажоров. Поскольку они кидают деньги кому хотят и где хотят, их материальное положение ничуть не пострадало, и со спокойной душой, они поехали веселиться на „Гараж”. Не пришли Тимур и Саша, так как они не хотели встречаться друг с другом. Не пришла и Александра, потому что опасалась настойчивого допроса однокурсниц. Сославшись на то, что ей нужно делать вышку, девушка никуда не пошла. Аня тоже не появилась. Перед уходом на party, Ира спросила у своей соседки:

– А ты не пойдёшь к Наташке в комнату?

– Не, не пойду, они там как начнут гнать беса — не хочу.

– Ладно, тогда я пошла. Не скучай, — сказала Ира и ушла. Ей конечно хотелось идти на гуляние не так, чтобы очень, а только потому, что там будет её подруга — Даша, с которой они в группе очень сдружились. И чтобы составить ей компанию, она делает этот жест вежливости.

То, что происходило в 213-ой комнате — не укладывалось в рамки здравого смысла. Алкоголь редел и редел, посылали за ним одного гонца, второго, третьего. Когда уже никто не мог дойти до двери, начали швырять друг в друга подушки, одеяла и простыни. Врубили чей-то смартфон вместо музыкального центра и фальшивыми голосами начали подпевать: „Это сердце, его не любит, Это сердце, его не хреет...” Из комнаты раздавались крики и ржачи, как будто там была конюшня. Когда все пошлые темы вроде бы были уже обговорены, начали разговор на лесбийскую тематику, и о том, кто кого сильнее любит, и кто кого убьёт за измену. Затем они поспорили на то, кто решится выпить всю бутылку вина без всяких перерывов. Отозвалась только девчонка Лена, жившая в центре Донецка, которая всеми средствами старалась быть и в центре внимания тоже. Открыв рот и периодически закрывая глаза, Елена всю бутылку выпила и радостно-пьяным воплем стала кричать:

– Теперь я кру... — она повалилась на пол, не договорила. Алкоголь сразил самое больное место — голову.

– Ну нет! Всё, я с этим возиться не буду, я умываю руки, — провопила староста. Так что Лену, ещё ходячие студентки несли на руках аж до дома — картина была очень весёлой.

– Господи, забери меня из этого зверинца, — только и могла взмолиться Аня, не могшая заснуть от бесконечных ржаний и воплей, а также от того, что какой-то быкан в три часа ночи заорал на всю общагу. Плохо, что не было рядом бензопилы, лучше бы его филеечки лежали в пакетиках из „Альфа-маркета.”

Глава 20. Противоположные ценности на двух чашах весов

Ранним вечером в 108-ой комнате, Саша играл за компом в „калов дюти“, напряжённо почёсывал затылок и грыз ногти. В то время, его соседи склонились над своими курсачами и всё читали и подчёркивали: завтра ж защищать. Постоянное метание Саши не на шутку раздражало их:

– Шурик, да хватит тебе так страдать. Было бы из-за чего? Ты скоро начнёшь грызть себе пальцы.

– Молчи, Славик, молчи, ты ничего не понимаешь в девушках. Для тебя они как мясо, а внутренний мир тебя совершенно не волнует.

– Да ладно, причём тут внутренний мир, причём тут мясо, — вступил в разговор Толик, — дело в том, что она купила того Тимура, как мужчину-проститутку, а сама продалась за красный диплом, и одержима она комплексом отличницы, который не выветрился у неё ещё со школы.

– Она не может принять того, что ты позвонишь ей в самый неподходящий момент, что на тебя ей придётся тратить силы и время, и в прямом, и в переносном смысле. Она уйдёт от дел и тогда не сможет получить своего заветного диплома, а с Тимуром ей проще „Ты мне — я тебе“. Он как мальчик по вызову, — высказался Славик.

– Ну так учёба же кончится, он же всё равно её бросит, неужели она не понимает, что я лучше. Я может жить с ней хочу под одним потолком, а она втюрилась в этого альфонса. Ну что мне делать?! Что?! — уже начал раздражаться Саша.

– Расслабься, чувак! Ты свободный мужик, заведи себе девчонку. Нет! Много девчонок, зачем ограничивать число? И радуйся жизни, — предложил Толик.

–И она меня приревнует и будет моей? Наверное — это вариант, пацаны, — согласился Александр.

– Знаешь, Шурик, скажу тебе правду: она тебя не приревнует. Она кроме этого придурка никого не видит и не слышит. Лучше встречайся с девчонками для себя самого — она ж не единственная в этом мире. Делай это для себя, а не для того, чтобы она к тебе приползла, и будет тебе счастье, — с унынием добавил Славик.

И все замолчали и погрузились в свои дела и раздумья о таких необычных судьбах обычных людей.

Глава 21. Ж/Д – беспредел

Близился Новый Год. Приближалось то время, когда общага пустеет, и все хвастаются тем, что они поедут домой. Многие уже достали билеты. Аня, из-за своего умения откладывать дела в долгий ящик, заранее билет не приобрела, и поэтому ей пришлось покупать его за неделю до предполагаемого отъезда.

В кассе предварительной продажи была куча народу всех слоёв населения: от подростков-школьников до пенсионеров, которые на ногах еле стоят; от бедных с низким уровнем дохода студентов и пенсионеров до уважаемых и престижных. Люди выступали из здания, воздуха не хватало. Подышать Аня решила не выходить, так как займут очередь и скажут, что так и было, а ей не очень хотелось терять время — ноги уставали. Наконец, когда осталось пять человек до заветного окошка, она не выдержала и стала просить женщину, которая стояла перед ней:

– Девушка, я вас умоляю, разрешите мне раньше пройти. Я домой на Новый Год не уеду, если не куплю билет, ноги проболят зря, ну пожалуйста.

– Ишь ты какая! — энергично, став в позу, начала высказываться женщина, — Домой она не уедет! А у меня тоже свои планы! Так что будешь стоять в очереди, как все! Молодая и здоровая! Так стой!

– Вы едете-то куда?! — с одышкой спросила Аня.

– В Днепропетровск! А что?!

– Ну, пожалуйста, ну это не такое популярное направление, как Киев. Ну проявите же сострадание, — на последнем предложении она попыталась вскрикнуть, но у неё не хватило силы голоса, и это получилось сдавлено.

– Ишь, какие мы умные! К тебе проявить сострадание! А кто ко мне проявит! Люди! Люди добрые! Защитите женщину больную, несчастную от хамки!

– А тебя не надо защищать. Ты любую болячку сама покусаеть, — послышалось сзади.

– А ты вообще заткнись, сопляк, и куда только твоя мать смотрит! — импульсивно орала женщина.

– Устами младенца глаголет истина, — чуть улыбнувшись, сказала Аня.

– Молодые, а уже такие наглые. Молодёжь сейчас растёт бестолковая — ублюдки одни! Вот в Советском Союзе, вас бы на пятнадцать суток! — вмешалась бабуля, стоящая третьей в очереди.

– Бабушка, Советского Союза нет, а толковая молодёжь есть! — продолжал парень.

– Да что ты можешь знать! — начала орать другая бабулька.

– Мы ничего не можем знать, только пропустите меня, пожалуйста, билеты ж разберут! — умоляла Аня.

– И никто тебя никуда не пропустит! — кричала тётка. — Женщины! Голубушки! Не пускайте её, держите! — и они перекрыли окно кассы своими мощными телами.

– У меня авоська тяжёлая! Как запущу! — пригрозила бабулька.

– Та ё... б...ь на х..., мать вашу, п...ц! Покупайте уже б...ь билеты! Обступили кассу с..., ё...е! — отозвался мужик сзади.

– А мы билеты купим! И тебе потом кааак влетит! — в унисон сказали женщины.

Наконец через полчаса, Аня подобралась к заветному окошку и уже без сил стала говорить:

– Девушка, пожалуйста: Киев, плацкарт, на двадцать девятое число.

– Ничего нет.

– А другие места?

– Нет других. И СВ, и купе все раскуплены. И должна вас огорчить, что билеты в Киев раскуплены на эту неделю, на все числа. Заранее стремятся купить, поэтому всё разобрали.

– На Полтаву хотя бы.

– Нет, на Полтаву тоже ничего не осталось.

– А Харьков? — с надеждой спросила она.

– Нет, тоже ничего нет.

– Ладно, спасибо! С Наступающим и всё такое, — поникшим голосом сказала девушка кассирше и отползла от окошка.

– Киев, двадцать девятое, — вдруг слышит она сзади.

– Два нижних и два верхних места, — ответила кассирша. Тут Аня разворачивается и вне себя кричит:

– Девушка, вы же говорили, что ничего нет!

– Да, действительно нет.

– А, то мне послышалось, — и она отошла.

– Дайте мне одно верхнее и одно нижнее.

– А теперь вы будете говорить, что нет мест?! — Аня в ярости.

– Теперь компьютер показывает, что нет.

– Как нет?! — спросила женщина, которая покупала билеты.

– Теперь есть.

– Ну дайте мне, хотя бы один несчастный билетик, хотя бы один, ну пожалуйста, — умоляла Аня.

– Теперь нет, — удивлённо сказала кассирша, — Девушка, уйдите! Из-за ваших отрицательных флюидов компьютер глючит!! — резко ответила она.

Анна уже ничего не ответила, она только плакала. Слезы заливали глаза, и всё виделось таким размытым. Еле удерживаясь на ногах, она вышла на улицу, и присев на лавочку, стала реветь нечеловеческим голосом.

А тем временем, компьютеры в кассах продолжали серьёзно глючить, да так, что вскоре они выключились совсем.

– Компьютеры не работают, граждане, приходите завтра! Сегодня мы уже не успеем вас обслужить! Уходите, граждане, не тратьте своё время! — кричала кассирша.

– Так, чини!! Свои компьютеры, я уже пять часов тут торчу!! — негодовал какой-то мужчина.

– А я уже почти подошла, ну давайте быстрее, — сказала какая-то бабулька.

– Граждане, техник будет только через час! А через час мы закроемся! — продолжала кассирша.

– Нет, это несправедливо! Мы будем стоять! Это же хамство! Мы будем кассы ломать, пока вы, бюрократы, нас не услышите! — не на шутку взбесилась женщина, и тут начался беспредел: много криков, стуки в бронированное стекло кассы, попытки открыть окошечко. Люди сзади посылали пинки людям спереди; люди спереди выталкивали это стадо назад, и так далее. Кассиршам пришлось пойти на крайние меры.

Аня уже утерла слёзы, немного успокоилась и думала о том, что в ближайшее время, плиту никто не будет занимать — можно приготовить что-то вкусненькое. Только она встала со скамейки, как подъехал уазик, из которого выскочили люди в защитных костюмах с дубинками, стремительно ворвались в здание ж/д-касс. После чего, оттуда начали вышвыривать людей, эти крики были слышны на другом полушарии.

– Мабуть, цей білет, того не вартий. Піду я звідси. Від гріху подалі,⁸ — сказала Аня и пошла в общежитие.

⁸ Наверное, этот билет, того не стоит. Пойду я отсюда. От греха подальше

Глава 22. Презент от Лёлика

— Так, мамо, мені не вдалося купити білета... Я знаю, що це моя провина... Я знаю, що треба було купувати заздалегідь.

— Доню, ну як ми будемо зустрічати Новий Рік без тебе?

— Мені теж дуже прикро, але що я зроблю! Білетів же нема, я стояла за ним п'ять годин, та ще мене і брудом облили. Я мало не померла, ноги і досі болять.

— Сонечко моє, не засмучуйся так, люба моя. Ти не звертай на це уваги, дурнів у нашій країні завжди вистачало. Не плач, тато тебе любить, я тебе люблю. Все буде добре. А на автобус купити не можна?

— Ні, мамо, там теж все розкуплено, а літаком я не полечу — це безглуздо.

— Шкода! Якщо літаки були б дешеві, ти б швидесенько прилетіла.

— Мамо, не треба цієї ностальгії, дешевими літаки, нажаль, не будуть у найближчий час. Так що чекайте на мене у лютому.

— Білет заздалегідь купи! — кричав со сторони папа.

— Добре, любі мої! Я більше не зроблю цієї жадливішої помилки. Пока. Татка цілуйте.

— Пока, доню, тримайся, ми за тебе молитися будемо, — Аня повесила трубку.

— Добре, що мої сусідки поїдуть по домах, заважати мені не будуть хоча б...⁹, — раздался стук в дверь, Анна відкрила.

— Анечка, та сher, поздравляю тебя с Наступающим Новым Годом и Рождеством, желаю тебе всего, всего и всего. Прими эту ёлочку, она будет украшать твою комнатку, — слегка поддатый Лёлик протянул деревце.

— Ёлочка? Да это же туя! Дурень! Ты её у прокуратуры сорвал? — глаза у девушки были по пять копеек при виде такого чуда.

— Прокуратура? Да я как-то и не помню. А что ж мне делать? Я не успею ёлочку найти. Эх! Ладно, — и он хотел было уже бросить тую на пол.

— Нет! — закричала девушка, — Лёлик, ты что? Оно же живое. Давай сюда. Я поставлю в воду, украшу шариками, не нужно тебе искать ёлочку. Слышишь! Не нужно! У меня будет оригинальная.

— Спасибо, Анюта, ты славненькая и миленькая, не то, что твои кобылы-соседки. Ты мне очень нравишься, — начал подлизываться Лёлик.,

— Спасибо, ты мне тоже. Только пить надо поменьше. Ладно, я пойду, поставлю тую в воду. Пока, — и она закрыла дверь. Лёлик чуть постоял и потопал в свою комнату, а ему ничего и не оставалось. Аня поставила тую в воду, украсила её купленными домой шариками и дождиком — получилось неплохо.

⁹ — Да, мама, мне не удалось купить билет... Я знаю, что это моя вина... Я знаю, что нужно было покупать заранее.— Доченька, ну как мы будем встречать Новый Год без тебя?— Мне тоже очень обидно, но что я сделаю! Билетов же нет, я стояла за ним пять часов, да еще меня и грязью облили. Я чуть не умерла, ноги до сих пор болят.— Солнышко моё, не печалься так, дорогая моя. Ты не обращай на это внимания, дураков в нашей стране всегда хватало. Не плачь, папа тебя любит, я тебя люблю. Все будет хорошо. А на автобус купить нельзя?— Нет, мам, там тоже всё раскуплено, а самолетом я не полечу — это безумно.— Жаль! Если бы самолеты были дешевле, то ты быстренько прилетела бы.— Мама, не нужно этой ностальгии, дешёвыми самолеты, к сожалению, не будут в ближайшее время. Так что ожидайте меня в феврале.— Билет заранее купи!— Хорошо, дорогие мои! Я больше не сделаю этой ужаснейшей ошибки. Пока. Папу целуйте.— Пока, доченька, держись, мы за тебя молитесь будем...— Хорошо, что мои соседки поедут по домам, мешать мне не будут хотя бы...

Глава 23. Новый Год и всё новое

Тридцать первое декабря. Весь Донецк уже давно сверкал новогодними огнями. Крутилась и сияла ёлка на площади Ленина. Работали Деда Морозы и Снегурочки, а торговые центры были украшены мелкими красивыми гирляндами, которые стоят бешеных денег. Во многих окнах жителей видны сверкающие и нарядные ёлки. Всё население радовалось этому празднику, а Донецк почему-то не захотел — он плакал дождём. Люди, которые приобрели ёлки в самый последний момент, месили грязюку. И если посмотреть на город сверху, то всё это напомнит танец ёлок.

Общага — как ёлка. И не потому, что нарядная, а потому, что зимой и летом она одним цветом: серым. Никто там не ставит деревьев, никто не шикует гирляндами и дождиками. В основном, на Новый Год, общежитие пустует. А кто остаётся, довольствуются кислым шампанским, палёной водкой и пережаренным лососем. И как же обидно было осознавать Ане, что она осталась в числе таких же „лохов”.

— Ну, Аннет, ты докатилась. На столе: пакет пастеризованного молока, сладкие леденцы из аптеки, ошмётки рыбы, стащенные на общей кухне, и туя с шариками, подаренная соседом-алкоголиком. Сейчас я это за двадцать минут скушаю, как обед, и буду кемарить. Новый Год испорчен, впрочем, как всегда, всё время ждёшь какого-то волшебства... Оно не происходит, и ты давишься крабовыми салатами и „Хорошими песнями” по всем телеканалам. Странный город — этот Донецк, только здесь в декабре, джинсы в пыли, а на новогодние праздники — в грязи. Впрочем, в Сочи тоже идёт дождь, скоро потеплеет, и зима отменится. Да уж, лучше пусть отменится, всегда будут только весна и лето. Ну что ж, — ободряюще сказала последнее предложение Аня, — поскольку под бой курантов я желаний не пишу и не пью пепел с молоком, и никого не буду поздравлять, всё равно линия перегружена, то кушать, кушать и спать, — девушка накинулась на еду, и съела это всё так быстро, как будто не ела неделю. Набив желудок, она выключила свет, распахнула одеяльце и легла в кровать. — Что-то стенка слишком мягкая, вот что делает пастеризованное молоко, — она продолжала проводить по воображаемой стенке, — Что-то это похоже на ногу, — она повернулась, — А-а-а-а!!! — вскрикнула Аня, упала с кровати и включила свет.

— Чё орёшь так? Мужчин никогда не видела, что ли? — ответил ей парень лет тридцати, низкого роста. Его одеяние напоминало одежду зеков в Советском Союзе, и даже кепка была зековской.

— Что вы делаете здесь?! Кто вы?! Слезьте с моей кровати!!! Хорошо, что родители меня не видят!!! Что вам нужно?! — истерично кричала Аня.

— У тебя, Анечка, потрясающее гостеприимство и любознательность. Слишком много вопросов глупых задаёшь, зайчик. Я часть той силы, которая вечно хочет зла, и вечно совершает благо.

— Хватит мне зубы заговаривать. Я драться могу. Сейчас я открою эту дверь, достану кочергу и кааак заряду по башке, вам мало не покажется, — настороженно продолжала Аня, подходя к двери.

— Нет у тебя никакой кочерги, сейчас дверь откроется, и сюда ввалятся два пришибленных охранника, пьяных в дымину.

— Хэпи нью х...! Хэпи нью х...! С наступающим, б...а-муха, — охранники, действительно, не заставили себя долго ждать.

— Идите, идите! Я устала от пьянок. Идите! Ребята, — еле выпихнув двух подогретых парней, Аня пододвинула к двери тумбочку и продолжила общение с незнакомцем, — Я поняла, что ты нечистая сила, но зачем тебе понадобилась я?

– Хороший вопрос. Я приехал в этот город из очень отдалённых мест, чтобы почистить его. И когда я посмотрел на твою жизнь со стороны, то понял, что лучшего наводчика мне просто не найти. Соглашайся. Я дам тебе всё, что пожелаешь. Хочешь отличницу из тебя сделать? — спросил молодой человек.

– Э, нее. Чтобы мне потом проходу не было от тупачей из нашей группы? Ты лучше мне скажи, как ты собираешься сделать из меня наводчика, я не стукачка какая-нибудь?

– Дура! Я тебе делаю то предложение, от которого невозможно отказаться, а ты ерепенишься. Как думаешь, почему ты оказалась в этом городке, а не осталась в Киеве?

– Почему?

– Когда ты сдавала рейтинги в универе Шевченко, мне пришлось немножко попотеть над твоей работой, чтобы выдать тебя за полную идиотку и двоечницу, а в Донецке тебя сочли не такой уже и плохой.

– Ах, ты! — Аня набросилась на него. — Да как ты смел? За что? За что?

– Дура набитая! — он кинул её на пол. — Ни за что, а зачем. А затем, что меня отправили в командировку, в этот забавный городишко, и мне нужно было переправить тебя сюда! И компьютер так странно глючил у кассирши, чтобы ты осталась здесь на Новый Год!

– Так значит, Юра, шарик из той наглой чувихи, подводный мир и шкатулка — это всё твоих рук дело? — он кивнул. — Ладно, и что же я должна делать, чтобы выполнять обязанности наводчика?

– Да ничего особенного: учиться, жить обычной жизнью, и вместе будем искать интересных и своеобразных людей, чтобы с ними что-то весёленькое сотворить. Я дам тебе всё, что пожелаешь за такую работу, — и тут у него в кармане зазвонил мобильник, Аня насупилась. — Да-да. Да, Мессир, уговорил. Сложный народ — эти женщины, полчаса её уламывал. Хорошо, не буду разбазаривать командировочные, вне всякого сомнения, — парень повесил трубку и продолжал говорить Ане. — Эх, женщины! Имя вам — вероломство. Семьдесят лет назад, я с женщинами общался довольно-таки тесно — 2162 изнасилования за один год. На самом последнем, я и попался — приговорили к расстрелу, даже не раздумывая.

Аня сжалась и начала отдаляться от незнакомца, хотела открыть дверь, но ударилась об тумбочку.

– Не бойся, Анечка, высшие силы лишили меня орудия насилия, так что, ничего я тебе не сделаю. Захочу, а не сделаю. Вот смотри, — с тоской сказал молодой человек.

– Нет!!! — что есть силы закричала девушка, — Не надо мне такое показывать!! — она ещё сильнее вдавилась в тумбочку.

– Дурёха ты, дурёха! Что я тебе? Фильм ужасов показываю, что так бояться надо? Вот, — незнакомец расстегнул ширинку, и там не было: совсем ничего.

– Вау!! Круто!! Я такое в первый раз вижу. Показать бы нашим девчонкам, они бы попали и ещё долго не вставали.

– Ну это ещё впереди, — и он застегнул ширинку. — Кстати, за этой суетой я и не представился. Фёдор Сумкин, можно просто: Федя. А ты, я вижу, хорошо подготовилась к Новому Году, на оценку пять. Пейте дети молоко, будете здоровы, — он взял пакет молока, но ничего там не вылилось. — Ой-ой! Бедные студенты, бедные вы, бедные, — он щёлкнул пальцами, и сразу же появился шикарный стол с кабанчиком, алкоголем и соками, с салатами оливье, а также другими неизвестными вкусностями, которых только душа пожелает, — ну-с. Налетай, Новый Год отмечай.

И они принялись поесть вкусности. В тот момент, Ане стало совсем хорошо. И уже незнакомца, она принимала за своего, и ей было с ним уютно.

Глава 24. Званный и желанный гость

— Хотелось бы мне узнать, Анечка, какая же у тебя есть печаль, тоска? Какое же твоё самое сокровенное желание? — спрашивал подъевший и подвыпивший Федя.

— Тоска и горе, в какой-то мере, всегда присутствуют, но плакаться всем и вся, я не считаю нужным. Я же сильная. Сильная и терпеливая, привыкла всегда решать свои проблемы сама и ничего ни у кого не просить, — ободрено говорила также подвыпившая Анна.

— Вот женщины. Вам точно, имя — вероломство. А что? Вам дали свободу, демократию, видите ли! Равноправие. И слишком рано вам дали спуск! Прошло семьдесят лет, как меня здесь не было! И что я вижу? — тут он начал очень сильно горячиться. — Сигарета в зубах, бутылка в горле, матерятся, как мужики-алкоголики. И всем, без исключения девушкам можно давать титул „железная печень”. И насколько я понял, в семьях произошла рокировка: теперь жена — мужчина, а муж — женщина. Управы на вас нет! Вот раньше...

— А что раньше?! — Аня тоже начала раздражаться. — Я читала в книжке о Петре I, что женщин там лупили и лупили. И царицу Евдокию на свадьбе выпорол отец и дал хлыст мужу, чтобы он теперь был садистом!!! Это, по-твоему, справедливо?! А одну жену, заживо закопали за то, что мужа убила. Да! Да! Это грех! Но я бы удивилась, если бы она такого зверя не убила! Эта домостроевская фигня своё уже отжила!! Если бы меня побил муж — это было бы последнее „побил” в его жизни.

— Солнце, да причём тут домострой? Я хотел сказать, что раньше женщины были женщинами. А сейчас девушки больше похожи на свиней и кобыл, и вести себя они не умеют совершенно. Они стали легкодоступными и, поэтому совершенно неинтересными, так как манерами, характером, похожи одна на другую.

— Федя, в принципе я с тобой согласна, но у женщин тоже есть желание работать, есть способности. А ты, значит, думаешь, что надо сделать из них тихих домашних женщин-домохозяек, которые целыми днями будут смотреть Ксюшу Собчак. И, значит, вы мужчины такие умные, а мы женщины — козы тупые, и греметь нам кастрюлями всю жизнь!!! Так что ли? — уже кричит девушка.

— Блин! Я тебе объясняю: вы — женщины можете быть сильными, можете быть волевыми. Но дома. Дома, — последние слова он произнёс приглушённо, с темпераментом, — вы должны быть женственными и ласковыми. Муж в семье должен быть главным, и тогда это будет семья. И если муж встретит дома ласковую и добрую жену, то шансов, что они будут вместе до старости, гораздо больше.

— Эх, Федя, Федя. Что ты можешь знать о женщинах? Женат был, что ли? — севшим голосом спросила девушка.

— Нет. Я не был женат, — с грустью сказал парень, — но за тот год, я близко общался со многими женщинами, разными женщинами. И всё это время, я их изучал, я их познавал. Что ж ты думаешь, зря я позволил приставить себя к стенке и изрешетить пулями? Правда о том, что меня лишат ещё и наследства, я не знал. Ну да ладно, я и без него живу неплохо. Потому что там внизу — это совершенно не нужно.

— Ладно, Федя! Давай не будем о грустном. Я не хочу у тебя ничего просить, но поскольку ты мне предложил, и мы с тобой условились, то моё самое главное желание, чтобы в моей семье не было горя.

— Ха. И над этим ты трясёшься? Да для меня это раз плюнуть. Хорошо. Будет твоя семья без горя.

— Нет, в этом есть подвох! Что ты с ними сделал? Что? — она схватила его за рубашку и стала трясти, — Зачем я сказала это?! Зачем?! — и девушка усиленно набирала маму:

— Алло! Мамо! З вами все добре?!

- Так, доню, звичайно, ми дивимося телевізор, а ти як?
- Добре, все добре.
- З Новим Роком тебе! І батько теж тебе вітає!
- Так, з Новим Роком, і все таке інше,¹⁰ — и она повесила трубку. — Фух, Слава богу!
- Не произноси этого имени здесь. Не надо, — строго сказал Фёдор, — А ты зря так переживала. Что можно сделать с родителями наводчика, которые в сущности, не так и плохи.
- И, если сделать мою семью счастливой, тебе не трудно, то насколько трудно тебе будет пригласить Женю Фокина на концерт? А?
- Аннет, украинские артисты стоят не очень дорого. Ну а для меня это будет, как зубы почистить, примерно так. И даже прикованный к твоей кровати, этот певец мне обойдётся без особых усилий.
- Ну к кровати конечно не нужно. Что я делать с ним буду? А вот закатить в общежитие концерт! — её глаза загорелись, и речь была полна восторга, — С Женей Фокиным! Чтобы он оставил все свои дела! И подарил нам настоящую новогоднюю сказку! Это можно!
- Слушаюсь и повинуюсь. Ничего не поделаешь, — он щёлкнул пальцами. И вмиг, комната расширилась и стала похожей на большой зал, украшенный всем чем только можно. Восторженные зрители угорали на танцполе, а на сцене — Женя Фокин: „С Новым Годом, годом, годом, годом, годом, годом”.
- Женя!!! Мы тебя любим!!! У-У-У!!! — кричали девочки. Женя пел новые песни, которые войдут в его первый альбом, устроил достойное шоу и, конечно же, клялся в любви к женщинам всей Земли. Закончилось это только под утро.

¹⁰ — Алло! Мам! С вами всё хорошо?!— Да, доченька, конечно, мы смотрим телевизор, а ты как?— Хорошо, всё хорошо.— С Новым Годом тебя! И отец тоже тебя поздравляет!— Да, с Новым Годом, и всё такое прочее.

Глава 25. Первое января – день рабочий

— Ну вот, Анюта, наступил первый день Нового 2008-го года. И когда все люди отдыхают, мы должны работать и работать, выветрить хмель из голов и заняться делом, — утренним пьяным голосом, лёжа на кровати Иры, говорил Фёдор.

— Вне всякого сомнения. Мы будем самыми ранними в этом году людьми. Или кто ты там? — полупьяным голосом сказала Аня, которая тоже без сил, лежала на кровати.

— Несмотря на то, что меня семьдесят лет, как убили, ничто человеческое мне не чуждо. Пошли давай! Мы не политики, нам болтать некогда.

Одевшись во френчи и, взяв на всяк про всяк, зонтики, наши герои покинули скромные пенаты студенческого общежития и отправились на улицу. Понемногу, они начали протрезвляться. Буйный хмель, накопленный после вчерашней вечеринки с Женей Фокиным, (певца подключили к распитию спиртного его фанатки, которым он, конечно, в новогоднюю ночь не отказал) начал уходить в никуда.

— Всё-таки, Федя, ты зря выбрал первое января рабочим днём, ведь сейчас в городе никого нет! Кого мы будем искать? Первое января в больших городах — это тоска зелёная, уж я-то знаю.

— Нет, не зря! Первое января тоже для кого-то рабочий день. Взгляни, — и они увидели дедушку в телогрейке, который в потрёпанной шапке собирал милостыню.

— Бедный, — с тоской проговорила девушка и полезла в карман френча за мелочью.

— Оставь! — и Федя резко прижал Анину руку к туловищу и не дал ей пошевелиться. От недоумения, она не знала, что и говорить. — Вы ли это? Любезный мой, Павел Петрович — вербовщик детей-сирот, имеющий негласное соглашение с директрисой детского дома Анной Степановной Бузько о том, чтобы заставлять детей и инвалидов просить, а всю выручку себе в карман? — дедок настороженно смотрел на молодого человека. — Так вот, Павел Петрович, я в первый и последний раз задаю вопрос: Ты... действительно... бедный и несчастный?

— Бедный, я бедный, ой бедный, а вы — молодые, да на нас стариков. Такое говорить! О, бедный, я бедный! — и он возвысил руки к небу.

— Ты проиграл! Эй! Товарищи милиционеры! — он позвал двух людей в форме, — Вчера, банк ограбил вот этот дед!

— Гражданин, да это же бомж, он не мог, — недоумённо ответили милиционеры.

— А вы снимите его телогрейку, и там вы найдёте пачки денег и новейшую японскую систему для взлома кодовых замков.

Милиционеры схватили деда, сорвали с него телогрейку и увидели пачки долларов и то самое устройство.

— Господа, господа! Это не я! Это подсунули мне! Он! Вот этот нехороший человек подсунул! — шокированный дедок стал оправдываться, так как он действительно не понимал, откуда у него пачки денег и эта штуковина.

— В суде разберутся, потопали, — они взяли дедка и посадили его в «Уазик».

— Ну и ну! Сколько раз я его видела, но не знала такого. Вот с... сын этот дедок. Теперь я чувствую, что мне хочется схватить этого деда и всё из него вытрясти! — импульсивно говорила девушка.

— Об этом не волнуйся. Вытрясут из него там столько всего, и того чего не делал, расскажет. Я об этом уже позаботился.

— Значит, Федя, вот что. Едем, немедленно едем в детский дом к директрисе! — приказным тоном сказала девушка.

— Очень мудрое решение. Едем!

И вмиг они оказались перед дверьми детского дома „Малыш”. Зрелище это не для слабонервных. Обшарпанное здание, которое успешно могли бы арендовать американские кинорежиссёры для фильмов-ужасов. В спальне для младенцев несло хлороформом, поэтому малыши спали незабвенным сном. В другой спальне, где были дети постарше, всё объято хаосом — мальчики и девочки слонялись без дела, дрались, плакали, звали маму. А когда один мальчик вышел из спальни и обратился к воспитательнице, которая ела плюшки, она ему крикнула: „Заткнись!” После чего, он расплакался и пошёл обратно, а воспитательница так и продолжала спокойно жрать плюшки. И когда она уже не могла оставаться равнодушной к детскому крику, то выдала такие слова: „Ублюдки! Вашу мать! Заткнитесь! Б...е дети! Иначе хлороформа залью каждому в глотку по бутылке! Его у меня хватит! Вы не беспокойтесь!” После этого, дети замолчали. Они знали, когда толстая тётя не в себе, то творит многое. И в прошлом году, она „случайно” забила мальчика до смерти, закопала его в землю, а официально сказали, что мальчик умер сам. И никто ничего проверять-то и не стал — плюнули на это дело.

– Дети, милочка — это цветы жизни, а вы, по-моему, ненавидите их? — с улыбкой сказала Аня, подошедшая к воспитательнице.

– А тебе-то какое дело? А ну пошла! Вон!!! — заорала мучительница, которая была вне себя от злости.

– Ну зачем же так злобно? — подключился Федя, который подошёл сзади, — Мы всего-навсего исполнители желаний. Два ящика хлороформа, которые есть у вас в подвале? В глотку? Это можно, — и тут же, из подвала начали выезжать ящички. Рот у воспитательницы открылся сам по себе. А тем временем, бутылочки сами стали вливаться ей прямо в глотку. Когда всё закончилось, она упала на пол.

– Она умерла? — спросила Анна у Феде.

– Да, пусть теперь и она полежит в сырой земле, ни одним только детям, — и они пошли дальше, в приёмную к директрисе. Аня толкнула дверь ногой, секретарша строго сказала:

– Молодые люди, что вы себе позволяете? Директор не принимает — выходной! — и она продолжила дальше читать журнал „Истории из жизни”.

– А у нас нет выходных, гражданка! — заявил Федя, и они пошли в кабинет к директрисе.

– Стойте, стойте! — кричала секретарша, но её уже никто не слушал. Ребята вошли в кабинет и увидели директрису, пересчитывающую купюры.

– Да кто вас сюда впустил?! Ты?! — и она посмотрела на перекосившуюся секретаршу.

– Я, я! — кричала перепуганная.

– Убирайтесь из кабинета! Я занята! — орала директриса.

– Ничем ты не занята, — Федя плотнее подошёл к ней, — и не стыдно? Наживаться на маленьких и беззащитных? И бомжа к этому подключать? И крышу покупать? А детей отдавать на растерзание тому толстому чудовищу?

– Что-о-о?! Да я щас милицию вызову! — она схватила трубку телефона, но в ответ — тишина. Она достала свой мобильный: „Нажаль, абонент не може прийняти дзвінок”.

– О, как жалко. Телефоны не работают. Ай-я-яй, ай-я-яй, — Федя качал головой.

– А знаешь что, Фёдор Сумкин. Чем отдать её на растерзание органам правосудия, давай утопим её в деньгах, как в мультике про скупого раджу, — ехидно посоветовала Аня.

– А ты талантливая ученица, давай сделаем, — директриса оказалась в стеклянном ящике. И на неё сыпались монеты по одной копейке, секретарша уже валялась без сознания. И как ни просила Анна Степановна, и каких золотых гор ни обещала. А всё нипочём — она умерла.

– Мне нравится такая работа. Вот только куда теперь можно пойти, после такого стресса — ума не приложу, — спокойно сказала Аня.

– Можно побродить по квартирам дончан.

– Действительно можно?

– Нет ничего проще. Узнаешь много интересного.

– Поехали.

Первой они посетили двухкомнатную квартирку в Петровском районе: всё в ней напоминало о новогоднем торжестве. Стояла ёлка, украшенная всем, чем только можно, в сторонке — столик с недоеденными лакомствами. На диванчике в зале, спали мальчик и девочка в карнавальных костюмах, и почему-то, укрытые дождиками. Спали они, обняв друг друга, но не подумайте ничего пошлого: это были брат с сестрой. И объятия были чисто братскими, что и поняла Аня:

– А мне хотелось бы иметь братика, — тяжело вздохнула она. Дальше они перешли в спальню, где спали супруги. Почему-то их развернуло валетом.

– Знаешь, Федя, наверное, лучше никогда не взрослеть. Ведь те, кто так и не повзрослел, встречают Новый Год вот так: в тёплой обстановке, в семье, а взрослый человек, он же одинокий человек. Он не знает куда приткнуться. И не рады ему везде, и праздники он ненавидит.

– Эх, Анюта! Одиночество — это удел всех людей, которые не от мира сего. И хорошо, если в семье их способны понять и простить, но чаще — нет. Человек вспоминает о том, что он недолговечен и идёт на самые отчаянные поступки, которые потом искупает сотни лет.

– А ты философ. Слушая твои речи, никогда бы не подумала, что ты насилывал женщин. Странный ты. Для чего? Зачем тебе было это делать?

– Отчаянный поступок одинокого человека. Хотелось понять всю вашу сущность, всю вашу природу, проверить падение нравов. И поскольку общаться со мной женщины не хотели, пришлось это делать на добровольно-принудительной основе, которая к тому же и очень приятная. А с философом ты правильно угадала: я до того года был доцентом института Вернадского. И таким вот образом я собирал материал для своей докторской. Но её я так и не защитил и не потому, что меня арестовали, судили, а потом расстреляли. Нет! Причина была в другом: в творческом кризисе. Ни в одной из этих 2162-ух женщин, я не увидел противоречия: все они не отличались друг от друга. И если противоречий нет, то на чём же построен мир? — затем, он подумал: „Я искал это противоречие, и спустя семьдесят лет, кажется, нашёл”. — И я не стал писать, не пошёл дальше. И моя диссертация потерпела крах, — с унынием окончил парень.

– Ну не печалься так, — девушка прислонилась к нему и погладила по плечу, — ну может в следующей жизни напишешь, и эти противоречия ты разыщешь. Уж в нашей стране их полно.

– Вряд ли Мессир разрешит мне этим когда-нибудь заниматься. Впрочем, мы заболтались. Будем делать что? Аль нет?

– Да, поставь в зале аквариум со скумбриями, которые светятся в темноте.

– А зачем?

– Темновато в этой квартире. Делай, что велю.

– Ну, скумбрии так скумбрии, — и чудо аквариум был поставлен. Сами же герои прошли сквозь стену в другую квартиру. А там, зрелище было такое, что детям лучше не смотреть: разбросанные презервативы, заляпанные стены и потолок. Носки, которые лежат в ящике под названием пол, по ковру разбросана еда. На кровати лежал храпящий голый мужчина лет сорока, а по бокам — две молоденькие модельные девочки, которые хоть и не храпели, но спали мертвецким сном.

– Милый Фёдор, а не кажется ли тебе такое сочетание банальным и потерявшим актуальность? — ехидно спросила Анна.

– Кажется, Annet, этим уже никого не удивишь, — тоскливо ответил Федя.

– Тогда, прочти мои мысли и сделай это, — читать мысли ему было не впервой, и поэтому парень поменял двух очень красивых девушек на объёмных бабушек, в панталонах и с обвисшей грудью.

– Жанна, не толкай меня ногой, — сонно проговорил мужчина, раскрыл глаза, и лучше бы он их не открывал, —А-а-а-а!!! — раздался крик.

– Вот это и есть оригинальность, — повеселела Аня, — теперь этот Новый Год он точно запомнит на всю свою жизнь. Если ещё захочет жить конечно. Пойдём отсюда, не будем мешать этой интимной обстановке.

Потом, Аня почему-то захотела заглянуть на дачу, которая была расположена на окраине Донецка. По количеству и качеству новогодних украшений, внутреннее убранство дома едва ли не переплюнуло целый город. Вчера ночью, было много гостей, которые веселились, смеялись, записывали видео, играли в бильярд, играли на рояле. Пили всё большее и большее количество спиртного, очумев от радости, они сбрасывали друг друга в бассейн прямо в одежде. Теперь, там всё мирно и спокойно. Облокотившись друг на дружку, со здоровыми детскими бантиками на голове, спали две девушки. Один мужчина заснул прямо на клавишах рояля, другой — на бильярдном столе, а все остальные друзья — на полу: и мокрые, и сухие. Глядя на это, слезинка покатила из Аниных глаз.

– Чё плачешь-то? — спросил Федя.

– Мне жаль. Мне жаль, что не я в этом кругу друзей, что у меня не будет такой дружественной атмосферы, а может это счастье? Счастье того, что мне уютно и тепло. Побольше бы таких людей.

– Да, Аня, дружба — это бесценное понятие, и её не купишь ни за какие деньги. Бесконечно сложное, это понятие, — с тоской сказал Фёдор.

– Я так устала! Так устала! Работать — это действительно непосильно и тяжело, домой хочу. Спать! И чем скорее, тем лучше, — устало произнесла Анна и расстегнула свой френч, чтобы вдохнуть побольше свежего воздуха.

– Да, я и сам устал. Едем в твою общагу. Спать, — и незаметно для охраны, они пробрались в комнату, упали на кровати и заснули в беспомощности.

Глава 26. Сочельник и лысая гора

— Федя, — полусонным голосом спросила Аня, — куда сегодня пойдём?

— А вот знаешь, я подумал: поскольку я тебе помешал съездить домой, то этот предпраздничный вечер создан для того, чтобы искупить мою вину. Едем в Киев.

— Ура! Ура!

— Но перед тем, как ты наведишь своих родителей, нам нужно сходить в гости.

— К кому?

— К кому — это не так уж и интересно, а вот куда...

— И куда же?

— На Лысую гору. Ежегодно, в этот день, там собирается множество ведьм всех времён и народов. Будет на что посмотреть.

— Ну, если я вроде как, тоже ведьма, то нужно ехать. В детстве я вообще думала, что Лысая гора — это всё сказки, но почему-то туда меня не пускали.

— С такой надёжной охраной, милочка, нужна, как у вас сейчас говорят, клубная карта.

— И где её взять?

— Дорогая моя, я твоя клубная карта и пропуск в этот закрытый мир. Поехали, мы не политики, — вихрем их несло вдаль и вдаль, виднелся Донецк, текла речушка Самара, широкий Днепр был спокоен под оковами льда и горящий, как новогодняя ёлка, Киев, причём круглый год. Опустились они в местечко посевнее. А когда уже стали на ноги, то увидели величайшее чудо: и не было здесь признаков людской цивилизации, создавалось впечатление, что гоголевские произведения ожили на глазах. Лысую гору не затронули асфальтовые дороги, небоскрёбы, мобильные телефоны. Созерцать красоту звёзд неба не мешает яркий городской свет, потому что здесь, как в деревеньке, темно и глухо, не слышно, как собаки брешут. Только ласковый салатный свет подсвечивал эту невысокую гору, где собрались ведьмы всех времён и народов. Все эти дивные женщины хоть и были разными по внутреннему содержанию, но одеты они в одну и ту же белую длинную бесформенную рубаху, на головах красовались венки из папоротника и васильков. Аня почувствовала себя неловко, так как она выделялась своей одеждой на фоне всех, да и потому, что на неё смотрели жадными взглядами.

— Приветствуем тебя, ведьма Анна, — в унисон сказали голоса. А затем, ведьмы разбрелись и ходили по поляне, каждая делала что-то своё.

— А почему они меня не переодели? — спросила девушка у Феи.

— Если ты здесь, значит ты почти ведьма. А точно такую же одежду ты сможешь носить только тогда, когда выдержишь испытательный срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.